

КУДА ИДЁМ МЫ...

16+

П Е Р Е С К А З А Л
С Е Р Г Е Й
В О Л Ч О К

Сергей Волчок

Куда идем мы...

«Автор»

2022

Волчок С.

Куда идем мы... / С. Волчок — «Автор», 2022

Это реал РПГ? Постапокалипсис? Боевое фэнтези? Это четверо отмороженных придурков, с боями пробивающиеся на запад, причем самый низкоуровневый едет верхом на пятом члене этой компании, вполне себе разумном. Это драчливые демоны и похотливые демонессы, троллинг и булинг, юмор и дружеские подколки, серьезные косяки и принцип стоять друг за друга насмерть как руководство к действию. Это роман-римейк "первого фэнтези на Земле", классического китайского романа "Путешествие на Запад", перенесенный на российскую почву.

© Волчок С., 2022

© Автор, 2022

Содержание

С чего все началось	6
Глава первая. Остров Рикорда	7
Глава вторая. Остров Рикорда	12
Глава третья. Остров Рикорда	17
Глава четвертая. Остров Рикорда	22
Глава пятая. Остров Рикорда	28
Глава шестая. Остров Рикорда, Владивосток, Лучегорск	33
Глава седьмая. Пожарский район	38
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Сергей Волчок

Куда идем мы...

*Светлой памяти Ивана Андреевича Губаря,
первого читателя этой книги.*

С чего все началось

Портал открылся как раз в тот момент, когда Четвертый лежал на спине, а на него сверху падали ложки, кастрюли и миски.

Когда ты лежишь на спине – ты поневоле смотришь вверх, поэтому портал, который открылся в небе, Четвертый увидел первым. Это был первый портал, который он видел в своей жизни, поэтому даже не сразу понял, что происходит. Просто в небе над монастырем появилось что-то вроде большого овального зеркала, откуда, ничуть не пугаясь двадцатиметровой высоты, выпрыгнули два воина в диковинной иссиня-черной броне.

«Разобьются же! В кисель» – подумал Четвертый и не угадал. Воины вовсе не полетели к земле с ускорением свободного падения – нет! Балансируя руками, они заскользили по направлению к монастырской спальне, как будто съезжали с невидимой ледяной горки.

«Ничего себе!» – успел подумать Четвертый и больше ничего подумать не успел – вслед за посудой на него упал шкаф и Четвертый вырубился.

Глава первая. Остров Рикорда

(про неожиданное появление двух небесных воинов в монастыре и про то, как началась резня)

*о. Рикорда, часть архипелага
Императрицы Евгении.
42°52' с. ш. 131°39' в. д.*

(за десять минут до этого)

«Лузер – это судьба» – философски подумал Четвертый, получив мимолетный пинок от Шестидесят Четвертого.

Пинок ему отвесили по уважительной причине – Шестидесят Четвертому показалось, что Четвертый путался у него под ногами, вот он и устранил досадную помеху. Шестидесят Четвертый был боевым монахом и очень вредным типом – он не только больно пинался, но и постоянно подначивал Четвертого. Любил он троллить обладателя самого низкого в монастыре уровня, что уж скрывать.

Четвертый отлетел в сторону, но огрызаться не стал – себе дороже. Быстро собрав рассыпавшиеся дрова, он побежал к кухне – задержавшись, вполне можно схлопотать черпаком по шее от Семьдесят Второго.

Опасения были не напрасны – Семьдесят Второй явно был не в духе и отправил Четвертого пропалывать грядки с зеленью – зеленым луком, укропом и петрушкой. Но предварительно решил проинструктировать – нравилось повару чувствовать себя начальником. Долго орал, чтобы Четвертый все прополосал тщательно, но быстро, и на кухню вернулся хотя бы за полчаса до обеда – помочь все подготовить к раздаче.

Четвертый слушал высокочастотные инструкции, почтительно кивал в нужных местах и незаметно для себя погрузился в размышления. Была у него такая особенность – выключаться из реальности, или, как это называл Семьдесят Второй, «зависать и тормозить», слабо реагируя на происходящее вокруг.

Повар, меж тем, орал так, что его красная рожа стала совсем багровой, и непосвященный человек мог бы подумать, что Семьдесят Второго вот-вот хватит кондрашка. Но Четвертый за два с половиной месяца работы на кухне хорошо изучил своего начальника. Его не только инфаркт не свалит – его таранный удар матерого кабана с ног не собьет! Если, конечно, кабан вообще рискнет атаковать существо, издающее вопли, способные заглушить взлетающий самолет.

Сам Четвертый, разумеется, взлетающий самолет никогда не слышал. И не видел. Более того – он даже понятия не имел, что такое самолет. Но монастырский Настоятель судя по всему, появился не свет несколько столетий тому назад, поэтому часто говорил непонятные слова. Однажды он проходил мимо кухни, поморщился от разлетающихся над островом матюгов Семьдесят Второго и помянул это никому не ведомое существо с экзотическим именем – «самолет». Вроде и тихонько сказал – а все услышали, Семьдесят Второй сразу заткнулся, перестал лупить Четвертого поварешкой и долго лебезил перед Настоятелем, извиняясь за причиненное беспокойство.

Такой вот Настоятель – чрезвычайно уважаемый человек. Если, конечно, человек. Про Настоятеля никто ничего толком не знает, совсем как про самолет. Про самолет Четвертый спрашивал у Десятого и Четырнадцатого – более старших беспокоить не рискнул, а про Настоятеля даже и спрашивать не стал. Понятно, что ничего не ответят, только в ухо дадут. Настоя-

тель – это Настоятель, ему даже Сто Двадцать Четвертый, предводитель боевых монахов, при встрече кланяется и лъстиво в глаза заглядывает.

Настоятеля единственного в монастыре зовут не по уровню, а по должности, потому что он самый крутой, а какой у него уровень – и не знает никто. Слухи ходят, что выше двухсотого, но это брешут, скорее всего.

Четвертый в своей жизни только один раз двухсотого видел, давно уже, еще когда во Владивостоке жил, в монастырском приюте. Но Владик – это другое дело, одно слово – город! Там народу толкается – тьма тьмущая, тысяч десять, наверное, а то и больше. Вон, в приют чуть не каждый месяц нового младенца подкидывают, а то и двух.

А приюту что? Приют всех берет, даже демонят, лишь бы года ребенку не исполнилось – чтобы предварительную инициацию провести можно было. Как любил повторять директор приюта: «Шанс есть у каждого, но не каждый успевает им воспользоваться». И это правда – инициацию проходил хорошо если один из десяти. Отбракованных отправляли в обычный приют, где, по слухам, жилось совсем кисло.

Зато отозвавшиеся на крещение – а это и есть предварительная инициация – получали, по словам директора, «гарантированное выживание, воспитание и набор гибких навыков». В этом, вопреки своему обыкновению, директор не врал. До шестнадцати лет тебя в приюте кормят, поят, воспитывают и даже читать-писать учат. А в шестнадцать, как говорил директор – «пожалуйста бритесь». Окончательная инициация, получение класса «монах», и короткое путешествие под парусом в монастыри – прокачиваться и отрабатывать свою детскую кормежку. Мальчики – в мужской монастырь, на остров Рикорда, девочки – в женский, на остров Рейнеке. Девочек подкидывают чаще, поэтому женский монастырь больше.

Четвертому вон еще зимой шестнадцать исполнилось, а привезли их с Десятым и Четырнадцатым только четыре месяца назад, в апреле. Всего троих, да. До монастыря не все приютские дотягивают – как и при крещении, хорошо, если один из десяти. Обычно из приюта сами сбегают. Почти все сбегают, если честно, монахом никто не хочет быть. Класс в прокачке сложный, плюшки так себе, а требования запредельные, одно целомудрие чего стоит – и ведь не обойдешь, все на системном уровне, грехопадение кучу пожизненных дебафов вешает...

Но Четвертый никогда даже не думал о побеге. Во-первых, пусть он всегда был слабаком, но дураком отродясь не был. Проводимая в приюте предварительная инициация не только отбраковывала неспособных к монашеству – она еще и резала прокачку по любому классу, кроме монашеского. Резала пожизненно. Те, кто убежал, может и не помрут на воле, но кем бы они не стали – они никогда не поднимутся выше середняка.

А во-вторых, в приюте был Старый – единственный человек в жизни Четвертого, которого он мог бы назвать другом. Над этой странной дружбой ржали все приютские – очень уж забавно смотрелись рядом мелкий тщедушный пацан и древний приютский сторож-монах, непонятно как доживший с 32 уровнем до семидесяти лет.

Чем выше ты прокачаешься, тем дольше проживешь – эту аксиому все обитатели приюта выучивали раньше, чем начинали ходить. У Старого практически не было предрасположенности к монашеству, поэтому прокачка шла еле-еле, и уровни он набирал даже не с черепашьей, а с улиточьей скоростью. Но всю жизнь упрямо отказывался менять класс – и только Четвертый знал почему. Только ему Старый рассказывал про свое монашество в задушевных беседах. Впрочем, если честно, он бы, может, и кому другому рассказал, только никого это не интересовало – ну, что умного может сказать старый отбитый лузер, за всю жизнь не дотянувший даже до полтинника?

Жизнь такого человека не интересна никому, кроме другой «черепахи» – а Четвертый был точно таким же лузером, только юным. Все знали, что до 16 лет – до отправки в монастырь – практически невозможно набрать более 10 уровней. Да, основная прокачка начиналась в

монастыре, где прошедшие полную инициацию начинали практиковать техники и получать пилюли и добавки.

Ну ладно, пусть десять никто в приюте не набирал – но не два же! А Четвертый на остров уехал двойкой. Да и здесь тоже... Местные спецы каких только комбинаций снадобий на нем не испробовали, какие техники чистки меридианов ему не ставили – и в итоге за полгода подняли ему целых два уровня! Рекорд, блин – на первых, самых быстрых уровнях! Был двойка, стал четверка. Его даже сам Настоятель осматривал – заставил все раскрыть, и долго осматривал, обстукивал и даже обнюхивал, что-то неразборчиво бурча под нос.

Результатом этого осмотра стало то, что Четвертому перестали давать даже общеукрепляющие пилюли и, как стопроцентно бесперспективного, отправили на кухню на завидную должность «подай-принеси». Вот он и бегает с помоями на свинарник и с тяпкой на огород уже два с половиной месяца под зычные крики Семьдесят Второго. И, судя по всему, будет бегать так всю свою жизнь – разве что, когда постареет и одряхлеет, станет сторожем, как Старый.

О своих печальных перспективах Четвертый размышлял особенно вдумчиво и потому упустил тот момент, когда до Семьдесят Второго дошло, что его наставления не слушают. Повар просто задохнулся от негодования, его широкое недоброе лицо налилось свекольным оттенком...

Удар полуметрового черпака был страшен, замечтавшегося Четвертого просто снесло по направлению к шкафу с посудой. Аккурат в шкаф монастырский мечтатель и влетел – как бильярдный шар в лузу. Юноша не удержался на ногах, упал на спину и сверху на него посыпались котелки и миски.

В это время и открылся портал.

Портал открылся с негромким хлопком, но повар Семьдесят Второй стоял к нему спиной, а из-за падающего шкафа с посудой ничего не услышал. Падение шкафа ничуть его не расстроило – не ему убирать, а меткости своего удара он порадовался и довольно хмыкнул.

Это был последний поступок в его жизни – один из порталных воинов, проезжая по воздуху по направлению к казармам, коротко махнул рукой и метательный нож отправил шумного повара на перерождение.

Заметил это только стоящий на страже у казарм Тридцать Третий, с раскрытым ртом наблюдавший за всеми этими «воздушными горками». Заметил – и не поверил своим глазам: уработать семьдесят второй уровень с одного удара, да еще и дистанционного?! Это кто же такие к ним пожаловали?

Его раскрытый рот раззявился еще шире, и он, наконец, сделал то, что по уму надо было сделать с самого начала – заорал. Заорал на зависть, перекрывая по децибелам монастырского чемпиона Семьдесят Второго, но порталные воины уже мягко скользнули на землю, обнажили оружие и большими прыжками понеслись по направлению к казармам.

Через пару секунд крик оборвался.

Это даже бойней нельзя было назвать – оба «небесных воина» вели себя как хорьки в курятнике, убивая всех равнодушно, деловито и быстро. Никакого достойного сопротивления никто оказать просто не смог. Даже когда боевые монахи во главе со Сто Двадцать Четвертым бросились на черную парочку толпой, двое пришельцев не дрогнули. Скорее наоборот – радостно оживились и заработали мечами с удвоенной скоростью. И даже высокий уровень не помог – голова Сто Двадцать Четвертого слетела с плеч с той же легкостью, что и у какого-нибудь Тридцать Седьмого.

Вскоре в воздухе повис тяжелый запах мясной лавки.

Заваленный посудой и шкафом Четвертый пришел в себя и в шелку наблюдал за происходящим с ужасом и оторопью. Больше всего его шокировал тот факт, что никому из обитателей монастыря, похоже, даже не удалось поцарапать убийц. Всех этих здоровых, сильных и

прокаченных мужчин, половину из которых он боялся до заикания, деловито резали как овец. Да каких там овец! Били тапком, как тараканов.

Некоторое оживление смог внести только монастырский эконоом Восемьдесят Четвертый. Наблюдая происходящее, он сначала побледнел, потом покраснел, затем вдруг рухнул на колени и принялся неистово отбивать поклоны и голосить:

– Погодите! Погодите! На секундочку остановитесь, только на секундочку! Давайте поговорим, мы же взрослые люди! У нас не очень богатый монастырь, но мы можем договориться! Только остановитесь, давайте поговорим!

Как это не странно, но его призыв возымел успех. Один из нападавших вдруг перестал размахивать мечом и подошел к надрывающемуся хозяйственнику:

– Поговорить говоришь? Ну, давай поговорим! – легко согласился воин. Это были первые слова, которые обитатели монастыря слышали от нападавших. Голос, кстати, у мясника был так себе: высокий и визгливый, как у бабы, – Ты кто?

– Эконом! Эконом я! Здешний, значит, эконом! – зачастил обрадованный началом переговоров хозяйственник.

– Эконом – это хорошо, – согласился переговорщик. – А вот скажи мне, эконом, где нынче паства твоя экономическая пребывает?

Восемьдесят Четвертый, похоже, от страха уже совсем ничего не соображал, потому что на вопрос не отвечал, лишь непрестанно мелко кивал, вытаращив глаза на собеседника.

Пауза затянулась.

– Эй, алло, товарищ эконом! – убиец пощелкал в воздухе пальцами, привлекая внимание. – Давай уже, снимайся с рычага! Я спрашиваю – кого ты на какие работы уже успел отправить и главное – куда?

– Так это... – разморозился эконом. – Завтрака же еще не было. Все здесь, разве что рыбаки в море вышли сети на Восточке проверить – на восточной стороне, значит.

Он посмотрел в глаза собеседнику и быстро ответил на невысказанный вопрос:

– Двое. Один на веслах, другой с сетями. Они всегда на зорьке уходят, а завтракают потом. А все остальные здесь.

– Это хорошо, брат. Что все здесь, это просто радует, – довольно покивал пришелец, – Ну, спасибо тебе, брат.

И вдруг махнул мечом и одним ударом развалил эконома надвое от плеча. Тот упал, даже не вскрикнув.

А убийца уже повернулся к своему подельнику.

– Саня! Я, наверное, сбегая, рыбачков искупаю. Ты тут как один – управишься?

– А чего не управиться? – пожал плечами тот. – Все равно самый сенокос кончился уже, кто еще живой – разбежаться успели, по кустам хоронятся. Сейчас сканер включу и буду по одному их из схронов выковыривать. А ты беги, не тяни, а то вдруг рыбачки дотумкали, что здесь происходит и уже на соседний остров гребут что есть силы.

– Далеко не угребут – нехорошо ухмыльнулся любитель купаний и сорвался с места странным бегом, как будто вспархивая при каждом шаге и пролетая метров пять-семь.

«Легкие шаги» – опознал умение Четвертый. У одного из боевых монахов было такое, правда, тот пролетал максимум метра полтора.

Юноша уже понял, что жить ему осталось пару минут – убийца стоял от него метров в пятнадцати, не дальше, а на таком расстоянии включенный сканер покажет Четвертого голеньким, во всех подробностях.

Но страха почему-то не было. Совсем не было. Судя по всему, психика подручного повара за последние минуты получила столько нокаутирующих ударов, что больше ни на что не реагировала.

И действительно – оставшийся убийца хмыкнул, и медленно повернулся к поваленному посудному шкафу.

– Ну где ты там? – поинтересовался он. – Вылезай уже, хватит прятаться. Туки-туки, я тебя нашел.

И он зачем-то постучал костяшками по стене казармы.

Но Четвертый вылезать не стал – на него, наконец-то, нахлынул страх, и руки-ноги как будто отнялись. Он, похоже, даже дышать перестал.

И правильно сделал, что не вышел, как выяснилось.

Потому, что едва убийца постучал в стенку, на него с крыши прыгнула фигура в развевающихся красных одеждах. Четвертый сразу узнал Настоятеля – он единственный в монастыре носил красное.

Убийца не удержался на ногах, и соперники, сцепившись, покатались по земле. Правда, диковинный черно-красный шар быстро распался – воин, отбросив монаха, вскочил на ноги и обнажил меч.

Глава вторая. Остров Рикорда

(в которой в монастыре появится третий пришелец)

о. Рикорда, часть архипелага

Императрицы Евгении.

42°52' с. ш. 131°39' в. д.

– Ну вот и все, – ухмыльнулся он. – Ты упустил свой шанс, Бирюк. В теории, ты бы мог меня придавить, но только безоружного. С мечом тебе меня не взять, и ты сам это знаешь.

Настоятель молчал, легким шагом обходя соперника по часовой стрелке, тот, стоя на месте, поворачивался вслед за ним, выставив меч перед собой.

– А знаешь, почему ты упустил свой шанс? – не умолкал пришелец. – Потому, что он мог сработать только при неожиданном нападении. Но неужели ты думаешь, что я мог забыть про единственного бойца в этой богадельне, который хоть что-то собой представляет? Ты все-таки дурак, Бирюк. Ты и на Верхних Планах всегда был дураком, и здесь, на родине, не поумнел. Твой единственный козырь, который мог бы сыграть против нас – скрытность. Да, выследить тебя мы с Лысым вряд ли бы сумели. Но ты, дурачок, попался в первую же западню. Неужели ты думал, мы просто так разделились? Нет, родной, это была первая попытка выманить тебя! Первая, но не последняя – у нас в запасе было еще три. Но они не понадобились. Ты, очертя голову, полез в первый же капкан. Извини, Бирюк, но ты, боюсь, отбегался.

Четвертый, наблюдавший за поединком затаив дыхание, неосторожно пошевелился, и одна из кастрюль покатила с горки, весело звеня.

Оба поединщика вздрогнули от неожиданности, но ни один не повернул головы кочан, вперившись взглядом друг в друга. Только болтливый воин не преминул вставить свои пять копеек:

– Ты еще не вылез, придурок? Ладно, лежи пока, не до тебя, брат, извини. Я тебя попозже зарежу. А то беги сюда, помоги начальнику.

– Не вздумай! – впервые открыл рот настоятель. – Кто бы ты ни был, он тебе не ровня, ты для него – муравей. А мне ты только помешаешь.

На последней фразе воин сделал длинный выпад, но Настоятель с легкостью ушел от меча. Позиция вернулась к исходной, и движение по часовой стрелке, остановившееся из-за кастрюли, возобновилось.

Через пару минут Четвертый понял, что ситуация патовая – соперники так и ходили по кругу и ни один не рисковал пойти на обострение. Воин периодически делал выпады, пытаясь дотянуться до Настоятеля острием меча, но ни разу не преуспел. Потом правда, произошли некоторые изменения: Настоятель принялся вертеть ладонями, как будто перекидывал из руки в руку невидимый снежок. Наконец, он запустил им в противника.

Но воина это ничуть не впечатлило. Он легко уклонился от невидимого снаряда и хмыкнул:

– И что? Неужели ты думаешь, что я на эликах сэкономил и «Отражение» на себя не повесил? Ну покидай, покидай, посливай прану.

Настоятель промолчал, продолжив свое движение по кругу. Теперь выпады воина чередовались с бросками монаха.

После очередного неудачного выпада, черный воин брезгливо поморщился:

– Слушай, ну хватит уже по кругу ходить, ты же не пони из мультика все-таки, Бирюк. Ты что – в родных пенатах еще больше отупел? Не понимаешь, что этот взаимный цуцванг тебе не выгоден? Скоро Лысый вернется, а вдвоем мы тебя сразу разберем.

Настоятель вновь не удостоил его ответом, продолжая швыряться невидимыми снежками. А потом один из снарядов, от которого воин играючи увернулся, улетел в сторону кухни и врезался в кастрюльную кучу, под которой прятался Четвертый.

Юношу как будто кувалдой по голове приложили. В глазах помутнело, но он еще успел заметить, как Настоятель перекатом ушел в сторону, и, вскочив, «легкими шагами» побежал вниз с холма, на котором стоял монастырь. Вот только, пока монах кувырчался, воин успел дотянуться до него своим черным, как антрацит, мечом. Красное на красном видно плохо, но, судя по довольной роже Сани, он все-таки ранил соперника. По крайней мере, преследуя соперника, он весело кричал:

– Ну, куда же ты, придурок! погоди, сейчас я тебя настигну, тут-то мы и повеселимся! Все уже, все, Бирюк. Проиграл ты. Смирись, родной, с кровоточением ты долго не пробегаешь...

Но Четвертый всего этого уже не слышал, потеряв сознание.

Когда Четвертый очнулся и открыл глаза, он увидел, как в небе открывался портал. Если бы Четвертый знал слово «дежа вю», он бы обязательно подумал, что с ним дежа вю. Но юноша не знал этого слова, поэтому просто молча смотрел, как в небе открывается зеркало, из которого вылезает вооруженный мужик.

Мыслей в голове не было.

Ни одной.

Поэтому Четвертый просто разглядывал мужика, благо второй портал открылся гораздо ниже, и мужик был виден во всех подробностях. Броней он был не особенно обременен – только наплечники и наручи, выглядящие, правда, очень дорого. Остальное тело воина покрывал странный комбинезон, состоящий из хитро переплетенных серых и красных полосок. На голове – глухой шлем с желтой маской, пикой уходящей вверх. В правой руке – короткий кинжал, на левой – странная насадка с двумя лезвиями еще более странной формы. Самый странный девайс был у мужика за спиной. Если бы Четвертый хоть раз видел мотоцикл, он бы сказал, что из-за спины торчала выхлопная труба в кожане. Но он никогда в жизни не видел не то что мотоцикла, но даже велосипеда, поэтому просто подумал греховным словом: «Фигня какая-то торчит».

В целом же облачение мужика выглядело настолько круто и дорого, что Четвертый, при всем своем небогатом жизненном опыте, был готов поклясться: если продать весь монастырь на острове Рикорда вместе с его обитателями – дай бог, чтобы хватило на левую штанину диковинного комбинезона.

Тут Четвертый вспомнил, что, наверное, все обитатели монастыря давно погибли, но почему-то совсем не расстроился. Не было ни страха, ни жалости – только тупое безразличие, как будто все внутренности заменили куском бревна. Все эмоции как будто каленым железом выжгли. Поэтому Четвертый даже не пошевелился, продолжив наблюдать за мужиком.

Выбравшись из портала, тот не покатылся по наклонной, как с невидимой горки. Нет, этот визитер, как и положено нормальному человеку, камнем рухнул вниз. Вот только за несколько метров до земли падение резко замедлилось, и он опустился на землю неспешно, как перышко. Непонятная фигня за плечом выпустила при этом несколько клубов дыма.

Оказавшись на земле, пришелец сразу же побежал к Четвертому. Смахнув с него обломки шкафа и кастрюли, он присел перед юношей и без предисловий поинтересовался:

– Бирюк где?

Но, натолкнувшись на неподвижный взгляд Четвертого, мгновенно поправился:

– Настоятель где?

Четвертый, как был лежа, просто немного приподнял руку и указал пальцем:

– Ту-да по-бе-жал.

Слова выходили очень тяжело, юноша как будто с большим усилием выталкивал из себя каждый слог.

Пришелец кивнул и задал очень правильный вопрос:

– Один?

– Нет. Са-ня за ним.

– Худо, – резюмировал обладатель роскошного облачения и вскочил на ноги. – Ты бы, пацан, спрятался куда. Здесь сейчас жарко будет, не дай бог зацепим.

И все теми же «легкими шагами» побежал вниз с холма.

Но Четвертый не стал никуда прятаться. Тупое безразличие внутри никуда не делось, вдобавок начала болеть голова. В ней как будто ковырялись железной ложкой, и каждое движение причиняло резкую боль.

Внизу, на перешейке, судя по долетающим звукам, и впрямь началась большая война. Там что-то свистело в воздухе, взрывалось, бабахало, грохотало и материлось. Кто-то, истошно визжа, обещал за Саню страшно всех покарать и проклинал какого-то императора. Потом бахнуло как-то особенно звучно, и богомерзкая ругань прекратилась.

Четвертый, у которого страшно болела голова, обрадовался было, но, как вскоре выяснилось – преждевременно.

Обладателя визгливого голоса, судя по насыщенности воплей, начали пытаться, и его монологами можно было наслаждаться, нимало не прислушиваясь.

– Нет! Нет! Не—е-ет!!! А-ха-ха! АААА!! Да пофиг, Имп. Пофиг. Да режь меня, режь, что ты вырежешь-то? Бирюк от этого не оживет, а другого скилнутого вы за три часа найти не успеете. Не-ус-пе-е-те!!! А-ха-ха-ха!!! Ты лузер, Имп! Ты слил эту партию! А-ха-ха-ха!!! 70 лет! 70 лет в нужник!!! 70 лет вы готовили эту блудню – и все слилось в сортир! За полчаса! Ты тупой, Имп! Ты реально тупой!!! Сколько лет я мечтал увидеть эту твою рожу!!! Твою вечно самодовольную рожу!!! Как ее перекосит, когда ты поймешь, что мы с Саней просто пришли на десять минут раньше и слили всю твою операцию в унитаз! А-ха-ха!!! 70 лет! Мегатонны влитого бабла!!! И все – пффф! И нету ничего!!! Вообще!!! А—ха-ха!!! Как же я счастлив, Имп, знал бы ты! Сане не повезло – он умер сразу, не успев ничего понять. А я! А я! А-ха-ха! Я видел твою рожу!!! Видел! Твою! Тупую! Рожу!!! А-ха-ха! Как же мне хорошо, знал бы ты!!! Как мне...

Крики как будто ножом обрезало. Хотя почему «как будто»?

Четвертый успокоено закрыл глаза и вырубился.

В следующий раз Четвертый очнулся, слава Богу, не под открытие портала, а оттого, что его тряс за плечо Шестидесят Четвертый. Главный насмешник монастыря был непривычно серьезен. И вообще выглядел неважно – как-то сильно потускнел.

– Ты как – ходить сможешь? – поинтересовался Шестидесят Четвертый, увидев, что молодой монах открыл глаза.

– Смогу, наверное, – пожал плечами Четвертый.

– Тебя как вообще – сильно зацепило? – поинтересовался насмешник.

– Вообще не зацепило, – равнодушно ответил Четвертый.

– А что валяешься тогда? – оторопел Шестидесят Четвертый.

Четвертый молча пожал плечами.

– Вставай, – велел боевой монах. – Все уже в трапезной, нас только ждут.

– А почему в трапезной? – безразлично поинтересовался Четвертый, лишь бы поддержать разговор.

– *Этот* всех собирает. Было бы кого собирать, – и боевой монах длинно сплюнул через зубы, – С тобой если считать – семеро выжило. И в основном – мелочь, выше меня нет никого. Не, ну вообще-то, так-то формально девять, но двое не жильцы. Бревном лежат и дышат через

раз. Двадцать Второй говорит, еще до заката отойдут на перерождение, без вариантов. Двадцать Второй теперь у нас старший лекарь. Старший и единственный.

Шестьдесят Четвертый помолчал и опять сплюнул.

– А вообще – хана монастырю. Всемером не выживем. Из боевых один я остался, из хозяйственников – второй келарь. Остальные – простые послушники, все, кроме келаря – ниже тридцатого уровня. Вынесут нас отсюда.

– А кто вынесет? – спросил Четвертый для того, чтобы хоть что-нибудь спросить.

– А кто захочет, тот и вынесет, – спокойно ответил Шестьдесят Четвертый, – Те же сатанисты. Они давно на Рикорда глаз положили. Пошли, что ли?

Когда они вошли в трапезную, *этот* сидел, развалиясь, на месте Настоятеля, а уцелевшие монахи расположились на длинной лавке вдоль стены. Шлем с вытянутой сверху маской *этот* снял, оказавшись ничем не примечательным мужиком лет сорока – сорока пяти. Выдавали его, разве что, глаза – слишком умные, слишком цепкие. Он сразу впился взглядом в вошедших, но тут же разочарованно опустил глаза.

– А, старый знакомый! Спрятался, значит, все-таки! Рад, рад...

Голос его звучал весело, а вот глаза совсем потухли. Четвертый почему-то вспомнил Рыжего – одного из немногих обитателей приюта, которого он мог бы назвать своим другом. В 14 лет Рыжего поймали на краже на рынке и выгнали из приюта. Когда Рыжий шел на выход с тощим мешком за плечами, он не плакал. Наоборот – на его тонких губах застыла немного презрительная улыбка. А вот глаза... Глаза у него были как у *этого* сейчас. Потухшие.

Глаза человека, мир вокруг которого только что разбился и обвалился вниз звякающими осколками.

– Ну иди сюда, малыш.

Четвертый понятия не имел – кто он такой, человек, которого называли Имп. Но держать удар тот явно умел. Голос Имп звучал абсолютно естественно, в нем были и ирония, и насмешка, хотя по глазам было видно, что хочется ему только одного – в петлю.

– Давай знакомиться. Люди зовут меня Император. А ты, я так понимаю, Четвертый?

Юноша молча кивнул.

– Четвертый, тебе придется открыть для меня все свои показатели, – Император, упреждая вопрос, покачал головой. – Нет, это не обсуждается. Я понимаю, что это примерно то же самое, что раздеться догола, но тебе придется это сделать.

Таинственный гость уже ощутимо давил голосом. Пока не сильно, но мощь пугала.

– Ты выжил, Четвертый, значит, не совсем идиот. Думаю, ты уже понял, какие ставки в игре, участниками которой вы все на свою беду стали. Твоя жизнь в ней не дороже чиха. И может оказаться столь же долгой. Поэтому лучше открой сам.

Четвертый пожал плечами. Да было бы что скрывать.

ИМПЕРАТОР, 916 УРОВЕНЬ, ЗАПРАШИВАЕТ ПОЛНЫЙ ДОСТУП К ВАШИМ ЛИЧНЫМ ДАННЫМ. ОТКРЫТЬ ДОСТУП?

Какой-какой уровень?! Впервые за последний час Четвертый испытал какие-то эмоции. Очевидно, изумление ему не заблокировали.

ДА.

Пусть посмотрит на его единственное умение – «Малое лечение», которое капает всем носителям класса «монах» сразу после полной инициации. Все равно никакими другими умениями и абилками Четвертый так и не обзавелся.

Император завис на пару секунд, изучая данные, а потом посмотрел в глаза Четвертому.

Заглянув в эти глаза, Четвертый понял, что все сегодняшнее выжигание психики было не более, чем прелюдией. А настоящий страх только начинается.

– Вон, – от абсолютно спокойного голоса Императора всем присутствующим нестерпимо захотелось обгадиться, – Все вон.

В дверях мгновенно возникла пробка. В трапезной остался только Четвертый, которого взглядом как будто пригвоздили к лавке. В спину убегающим донеслось:

– Если кто-нибудь подойдет к трапезной ближе двадцати метров, это будет последняя глупость в его жизни.

Надо сказать, Император умел быть убедительным.

– Откуда. У. Тебя. Святость.

Каждым словом Императора можно было расколоть земной шар как минимум до магмы.

Четвертый неистово замотал головой. Выдавить из себя хоть слово казалось невыносимым.

– Я. Внимательно. Слушаю.

– Уме... Умен... – и тут Четвертого, наконец, прорвало. – У меня нет «Святости». Откуда у меня «Святость»? Это же уникальное умение! В монастыре ни у кого нет «Святости».

– Ты не врешь, – Император не спрашивал – утверждал. Голос его стал немного мягче. – Только тогда уж будь добр, посмотри твои статьи, не поленись.

Четвертый открыл статистику и ахнул. В куцем, как хвост зайца, списке появилась новая строчка: «Святость. Статус умения: уникальный. Уровень: 0».

– Я... – голос юноши предательски задрожал. – Я не знаю. Я правда не знаю, чем угодно клянусь.

– Когда ты проверял статистику?

– Вечером, перед сном.

– А утром?

– Я э-э-э... Я не успел.

Не успел Четвертый потому, что Семьдесят Второй разбудил его традиционным ударом поварешки, и на пинках погнал в сторону кухни. А потом как-то все завертелось.

– Рассказывай, – велел Император. – Подробно, по минутам, начиная с подъема. Весь день. С чего начался день?

– Ну... С черпака.

– В смысле?

Слушать Император умел. Он слушал молча, не перебивал, смотрел собеседнику прямо в глаза, и под этим взглядом очень хотелось как можно подробнее изложить всю свою жизнь, начав рассказ фразой: «Час зачатия я помню неточно». Но про всю жизнь не спрашивали, спрашивали только про сегодняшний день. И Четвертый очень старался, пел, можно сказать, соловьем.

Когда он дошел до поединка Настоятеля с Саней и собственной контузии невидимым снежком, Император вдруг открыл рот.

– Стоп. Гена знал, кто лежит под шкафом?

– Кто?

– Гена. Вашего настоятеля звали Генной. Геннадий Васильевич Шелепин, – ровно пояснил Император и тем же механическим голосом повторил. – Гена знал, кто лежит под шкафом?

– Не-не... Не знаю. Нет, наверное, – и тут Четвертый вспомнил. – Точно нет! Он же сказал что-то вроде: я не знаю, кто ты, но кто бы ты ни был, не лезь в драку.

– Очуметь! – в голосе Императора наконец-то прорезались эмоции. Да еще какие! – Этот оптимист скинул на тебя «Святость», а потом увел Волкова, пожертвовав собой.

Глава третья. Остров Рикорда

(в которой нашему герою делают предложение, от которого нельзя отказаться)

о. Рикорда, часть архипелага

Императрицы Евгении.

42°52' с. ш. 131°39' в. д.

Ты, вообще, понимаешь, что произошло? – поинтересовался Император, – У него был даже не один шанс из ста, а гораздо меньше. Ты знаешь, что дистанционное инициирование «Святостью» невозможно без как минимум пятидесятипроцентной предрасположенности реципиента, но даже в этом случае статистика благоприятных исходов не превышает 4-5 процентов? И уж точно никто никогда не слышал о том, чтобы «Святость» скинули на кого-нибудь ниже десятки.

Император замолчал, возникла пауза и Четвертый внезапно понял, что это был вопрос.

– Нет, не знаю, – чистосердечно ответил он. – А Волков это кто?

– Тот, кого ты знаешь как Саню. А Лысый – Семенов. «Предрасположенность реципиента» и прочие непонятные слова – это о том, что Гена был невероятно везучим человеком, а ты – потенциальный бриллиант, требующий огранки. Еще вопросы?

– А зачем он так рисковал?

– Тупой? – искренне удивился обладатель 916 уровня. – Потому, что альтернативой был стопроцентный проигрыш. Волков с Семеновым отрабатывали его без вариантов. Они боевики, а у него боевка всю жизнь даже не побочкой была, он совсем в другие вещи раскачивался. Что он еще мог? Тянуть время, дожидаясь спасательной команды? Во-первых, он не мог знать о том, что я уже на подходе, а во-вторых, думаю, если бы он еще пару минут попрыгался, когда его монахов вырезали, с него бы «Святость» слетела. Там же требования к этике запредельные. Но об этом мы с тобой еще поговорим.

Обещание поговорить почему-то прозвучало очень зловеще. А Император меж тем продолжал:

– Когда Волков зажал его рядом с инициированным монахом – а других в монастыре нет – то есть теоретически способным перенять «Святость», Гена реализовал единственную возможность не слить наш план. Пусть даже возможную чисто в теории. Он поставил все наши 70-летние усилия не на «орел» и «решку» даже – на то, что монетка станет на ребро. И сорвал банк!

Император вдруг с размаху хватил кулаком по столу. Сбитый из дубовых плах стол разлетелся не в щепки даже – в труху.

Развалив стол, суперхай неожиданно захихикал, а потом и в голос заржал:

– Четверка! Мать ее ити, скрижали понесет четверка! Это, конечно, пока чисто в теории, но это даже не сюр, это Ионеску какой-то! О, боги, сколько же лет жизнь меня таким зигзагом мордой по асфальту не возила? В один день с полного фарша в полный же минус, а потом пусть в околонулевой, но плюс? Двести лет такого впрыска адреналина не было? Триста?

Тут Император наконец обратил внимание на Четвертого, слушавшего его с открытым ртом – примерно половина слов, произносимых хаем, была ему абсолютно непонятна.

– Терпение, мой юный друг, терпение. Я понимаю, что у тебя в голове сейчас салат «оливье» из мелконарубленной информации, но времени у нас меньше трех часов, а сделать предстоит столько, что глаза закатываются и смотрят на внутреннюю поверхность затылочной части черепной коробки. Мне надо запустить процесс, поэтому сначала звонок, а потом мы с тобой поговорим.

Император извлек какую-то коробочку, чем-то щелкнул, и коробочка начала издавать шипящие звуки.

– Гуа – Импу, – сказал он в нее. – Гуа, ответь Импу.

– На связи, – вдруг ответила коробочка женским голосом. – Штаны, ты что – совсем берега потерял, старый ты дурень? Маразм подкрался незаметно?

– Гхм... – хай заметно смутился. – Гуа, я здесь не один, выбирай выражения.

– А мне насрать! – торжествующе заявила коробочка, – Тебя не было несколько часов, никто не знает, куда ты делся, и это накануне старта? Что я должна была подумать? Весь клан на ушах и на валидоле, смежники на нас волками смотрят – думают, что мы их кинуть решили. А что мне им сказать? Извините, у нас кланлид потерялся, и мы его найти не можем?

Женщина явно была на нервах, и этот монолог мог бы продолжаться долго, но Император прервал его одним-единственным словом:

– Заткнись.

Сказано это было таким тоном, что неведомая Гуа осеклась на полуслове, и сухо сказала:

– Извини. Говори, слушаю.

– Вот и слушай! – Имп не скрывал раздражения, – Черные прорвались в монастырь. Генка убит, я опоздал.

– Генка?! – женщина выкрикнула это таким тоном, что было понятно – сейчас последуют бабьи слезы.

– Заткнись – повторил Император, но уже не зло, а как-то... Командирски, что ли? Короче, это был явный приказ. – Заткнись и слушай, потом поплачем. Бирюк спас проект. Это была полная авантюра, но она сработала. Он скинул «Святость» на одного из монахов, который в итоге уцелел.

– Гешка... – только и сказала женщина, которая, похоже, все-таки плакала потихоньку.

– Слушай дальше. Все не так радостно. Этот монах – четверка.

– В смысле? – женщина мгновенно собралась. – Что значит – четверка? Почему четверка?

– А я откуда знаю – почему? – Имп не скрывал своего раздражения. – Может, его кормили в детстве плохо, вот и не растет в уровнях.

– Извини. Я слушаю, больше глупых вопросов не будет.

– Да уж, постарайся. Как ты понимаешь, с Черными у нас теперь война, а мы, как обычно, не готовы. Поэтому, первое – объявляй всеобщую тревогу моим кодом. Все пропуска на наши территории аннулируются – хватит с нас прорывов. Поставщики разорутся – пусть орут. Вернусь – буду разбираться сам. Индивидуально в каждом случае. Второе – я сейчас буду заниматься только войной. Московский проект будешь курировать ты. До старта – два с половиной часа. Я сейчас поговорю с Четвертым, ты все срочно правишь с учетом изменившихся обстоятельств.

– Жень, ты серьезно? Запускать проект с Четверкой?

– Да! – это короткое слово сказано было так, что Четвертому очень захотелось забиться под лавку и прикинуться там ветошью. – Мы должны, нет, мы обязаны попробовать. Иначе Генка погиб зря.

– Но... Но он же не дойдет.

– Конечно не дойдет, он же четверка! – язвительно подтвердил Император. – Его там сожрут и даже не заметят. Значит, нужно сделать так, чтобы дошел. Гуа, не тупи. Я понимаю, ты сейчас ошарашена из-за Генки, но давай уже включай мозги. В любом плюсе есть минусы, в любом минусе – плюсы. У него запредельно низкий уровень, а прокачать его мы не успеваем. Значит, останется четверкой. Можешь быстро прикинуть, как изменяются нормы сопровождения?

– Ой, точно. Сейчас, – в коробочке что-то застучало и заклацало.

Император, пользуясь паузой, весело подмигнул Четвертому. Тот уже совсем ничего не понимал, поэтому зачем-то подмигнул в ответ. Суперхай счастливо хрюкнул и вновь поднес коробочку ко рту.

– Ну что там?

– Это, конечно, очень грубо, но трое хаев точно проходят. Возможно, пролезет еще один перекинутый, но это уже надо хорошо посчитать. Не хватало еще, чтобы из-за ошибки с него «Святость» слетела.

– Ну вот видишь! Трое хаев это сила. Может, и дойдут.

– Трое хаев это, конечно, сила, вот только где мы их возьмем? наших нельзя, сопровождение силами жителей Верхних Планов запрещено. Только местные уроженцы. А это значит – либо дикие, либо падшие.

– Диких нафиг, о них в предсказании ни слова. Падших ищи.

– Да какая разница – падших или диких? Все равно ни те, ни другие к нам не пойдут.

– Это еще почему?

– Теперь ты тупишь, Имп. Потому что сопровождать Четверку могут только монахи, иначе «Святость» слетит. Значит, хаям класс на монаха придется менять. На смену класса никто не подпишется, ни за какие деньги. Не бывает таких дураков среди хаев.

– Значит, нужно искать тех, кто подпишется. Причем, один из хаев нам нужен обязательно в окрестностях Владивостока, чтобы нашего Четверку сразу не съели. А дальше уже импровизировать будем. И я не поверю, что нет ни одного, кто бы подписался. Люди склонны оказываться в заднице. И наверняка хоть один хай сейчас сидит в настолько глубокой заднице, что подпишется на все – лишь бы мы его оттуда вытащили. Не то что на смену класса – на смену пола пойдет.

Император говорил жестко, но на собеседницу особо не давил.

– Давай так. Я поговорю с нашим гонцом, все ему объясню. Ты в это время ищешь в окрестностях первого хая, все готовишь для путешествия, прибываешь сюда через час. Да, вот еще. С началом паломничества мы с тобой уйдем на свой план, нужен кто-то, кто бы довел нашего гонца до первого хая. В пределах стартовой локации сопровождение сторонними аборигенами разрешено. Кто у нас есть во Владике?

– Ну... Если исключить совсем экзотические варианты – либо Клетчатые Тигры, либо Щелкающие Ключом.

– Давай Тигров. У вторых мне название никогда не нравилось.

– Тигров так Тигров, – равнодушно отозвалась женщина. – Все равно оба луя примерно в одну цену.

– Значит, решили. Договаривайся с Тиграми, если Рыкало начнет борзеть и заламывать цену – напомни ему про Лысых Крыс. Он в курсе. Отбой связи.

– Отбой связи, – повторила женщина и коробочка наконец-то перестала потрескивать и попускать.

– Теперь с тобой, – Император повернулся к Четвертому. – Как я понимаю, у тебя в голове крутятся тысячи вопросов. Но начнем мы с того, что ты мне задашь только один из них. Только один – но главный. Я слушаю!

– Э-э-э... – замялся Четвертый, но потом решился и спросил о том, что заботило его больше всего. – Кто вы?

– Оценка «удовлетворительно», – резюмировал Император, кивнув головой. – Ты не безнадёжен.

Он похлопал себя по комбинезону, буркнул «ах, да», и с надеждой воззрился на Четвертого:

– У тебя сигарет нет?

– Нет, – уверенно ответил Четвертый, даже не догадываясь, о чем его спрашивают.
– Ах да, четвертый же, – повторил Император. – А в монастыре кто-нибудь курит?

И тут же поправился:

– Курил?

– Что делал? – не понял Четвертый.

– Дым изо рта выпускал?

Четвертый мрачно покачал головой.

– Ну да, ну да... – покивал Император. – Изжитая вредная привычка. Что-то я туплю.
Он немного посидел, пожевал губами, потом, наконец, начал рассказ.

– Кто мы такие – это хороший вопрос. Давай для начала познакомимся еще раз, уже настоящему. Меня зовут Евгений Викторович Штанский, я глава одноименного клана со штаб-квартирой в Верхних Планах. Ник у меня – Император. Тебя, сколько я понимаю, про имя спрашивать бессмысленно?

– Я подкидыш, – пожал плечами Четвертый. – В приюте звали по номеру, Старый называл «Мелким», здесь зовут Четвертым. А больше никто и никак меня не называл.

– Понятно. А про Верхние Планы тебе в приюте что рассказывали?

– То же, что и всем. Там рай. Туда ушли лучшие люди. И до сих пор уходят. Надо стараться, и, если ты будешь лучшим, ты однажды будешь вознесен в Верхние Планы. Но только у меня прокачка совсем не идет, мне Верхние Планы не светят.

– Ну... – протянул Штанский-Император. – Не так уж сильно и наврали. Несколько поправок, если позволишь. Во-первых, ушли не лучшие. Ушли и уходят самые сильные. А это разные вещи. В первые годы после Пришествия Системы вообще все было очень просто: как только берешь двухсотый уровень – сразу возносишься в Верхние Планы. Кто только туда не попадал! Поскольку прокачка требовала обязательного владения холодным оружием, в основном наверх уходили профессиональные спортсмены, реконструкторы и военные из спецчастей. На удивление много было маньяков компьютерных игрушек. С физухой у них обычно было так себе, но пришельцы дали нам техники прокачки внутренних резервов организма, базирующихся на использовании праны. По сути, если не вдаваться в суть – та же магия. Да ее так обычно и называют. В общем, любители сетевых игр компенсировали физическую немощь лютым задротством по раскатке магии.

Ну, а главный сюрприз был, конечно, когда стало известно, что прокачиваться могут не только люди, но и животные. Точнее, по канону – любое существо, имеющее девять отверстий на теле. Зверям, конечно, было сложнее, у них прокачка двухступенчатая. Сначала они обретают разум и мутируют в человекоподобную форму, становясь тем, кого сегодня называют «демонами». На этом этапе у них уровни обнуляются, и прокачка начинается, по сути, заново. Но все равно – ты не представляешь, как умеют качаться животные. Любые качели сдохнут от зависти. Мы, люди, за века своего господства на планете все-таки изрядно расслабились.

К чему это привело, ты, разумеется, знаешь. Власть людей держится только в крупных городах или в хорошо укрепленных поселениях, вроде вашего острова. По всей остальной территории гуляют банды разнообразных демонов, распевая под гармошку «Цыпленок жареный».

– Чего? – оторопел Четвертый.

– Да ничего, это я так, анархистов из советских фильмов вспомнил. Похожи очень. Ты, наверное, думаешь – зачем этот старый дурак рассказывает тебе общеизвестные вещи?

Четвертый, не рискнув соврать, кивнул. Император хохотнул:

– Смелый, прощаю, как говорил Челентано. Так вот – эти азбучные вещи я тебе повторяю потому, что плавно перехожу к рассказу о том, что творится в Верхних Планах. А вот про это ты, боюсь, не знаешь ничего. Верхние Планы – это не рай, совсем не рай. Это сообщество миров первой ступени.

Он взглянул на затупившего Четвертого и махнул рукой.

– И чему вас только в приюте учили? Ладно, давай обо всем по порядку. Во Вселенной существует огромное количество миров, и постоянно открываются новые – наш, например, был открыт триста лет назад, чуть больше. Практически все эти миры – нулевого уровня, наша Земля тоже. Но есть миры первого уровня, они же – Верхние Планы.

– А миры второго уровня есть? – спросил осмелевший юноша.

– Миры второго уровня существуют только в легендах, – немного раздраженно ответил кланлид. – Слушай, не перебивай, я сам собьюсь. На чем я остановился? Да, на мирах нулевого уровня. На все только что открытые миры подселается Система и население начинает вечный бой за право подняться наверх, переселиться в Верхние Планы. Было бы странно, если бы он не начался. Качество жизни в Верхних Планах на две головы лучше, чем здесь. Достаточно сказать, что тамошние жители практически бессмертны: мне, например, далеко за триста, я приход Системы уже студентом-старшекурсником встретил.

Тогда началась отмороженная гонка за уровнями – все стремились взять двухсотый уровень, чтобы покинуть этот душный мир. Но однажды кто-то взял двухсотый, а в Верхние Планы не вознесся. Так жители Земли узнали, что наверх берут не всех – у каждого мира есть квота в размере сотой части населения. Один процент счастливицов, проще говоря.

Когда квота была выбрана – началась дикая тусня уже в рамках квоты. Нам, уже жившим наверху, быстро пояснили, что сюда берут не только не всех, но и не навсегда.

Во-первых, Верхние Планы можно покинуть вперед ногами. Если кого-то из тамошних жителей убивают, и они уходят на реинкарнацию – как сегодня ушли Волков с Семеновым – на место выбывших с Земли возносятся новые. В рамках квоты, разумеется. Но смерть – не единственный выход оттуда.

Вскоре стало понятно, что рейтинговая система едина для всех уроженцев Земли. Грубо говоря, если самый низкий уровень у землян, живущих в Верхних Планах – 217-й, то, как только кто-то на планете возьмет 218-й, он будет вознесен, а обойденный им небожитель вернется на малую родину. Многие поднявшиеся в Верхние Планы и решившие немного отдохнуть от бешеной гонки, посыпались обратно на Землю звездопадом. Таких здесь называют «падшими». В общем, что там, что здесь – все, как говорила Королева: «Даже чтобы просто оставаться на месте, надо очень быстро бежать».

Но иногда вверх поднимаются не отдельные люди или демоны, а весь мир целиком. Тогда мир нулевой ступени становится миром первой ступени, а пространство Верхних Планов становится больше – потому что Верхние Планы из миров первой ступени и состоят.

А вот теперь слушай внимательно, это очень важный момент.

Быть миром нулевой ступени – это тупик. Хваленая Система, о пришествии которой так мечтали во времена моей молодости писатели-литРПГшники (не они ли ее и накликали?) – это не благо, а проклятие.

– Почему? – не выдержал Четвертый.

– Потому что она инициирует войну всех против всех. Чтобы подняться – надо качаться. Качаться можно только за счет других. Выбор простой – либо ты качаешься на них, либо они прокачаются на тебе. И если люди между собой еще могли теоретически договориться, то прокачка животных спутала все карты и окончательно актуализировала лозунг «Бей всех, очки лишними не будут».

Но это, как я уже сказал, тупик. Миры нулевой ступени выполняют одну-единственную задачу – поставляют мирам Верхних Планов элитных особей, отобранных в результате жесткого отбора. Это даже не сырьевой придаток, это вообще не пойми что – добровольно сливать чужим лучших, накапливая у себя отбракованных. Пока понятно?

– Понятно, – кивнул Четвертый. – Непонятно только, а что делать-то? Вы правильно сказали – здесь нет выхода. Если кто-то не будет качаться, его просто отправят на реинкарнацию, а количество перерождений тоже не бесконечное.

Глава четвертая. Остров Рикорда

(в которой наш герой принимает решение)

о. Рикорда, часть архипелага

Императрицы Евгении.

42°52' с. ш. 131°39' в. д.

– Вот! – наставительно поднял палец Штанский – Именно! Тем не менее выход есть, он очень простой и состоит всего из двух слов – «нравственное самосовершенствование». Ничего другого человечество так и не придумало за всю свою историю. Любая глобальная идея, овладевавшая человечеством, будь то христианство или коммунизм, всегда имело в своей основе нравственное самосовершенствование. Грубо говоря, чтобы людям стало хорошо жить, люди сами должны стать лучше. Ты меня понимаешь?

Четвертый пожал плечами.

– Полная ерунда это ваше нравственное самосовершенствование. Старый был очень хорошим человеком, он реально старался стать лучше, каждый день старался. Но выжил он только потому, что прибил к приюту. Да и там не сказать, чтобы шикавал. Ну и как ему помогло это нравственное самосовершенствование?

– Тебе сколько лет, монах? – вдруг спросил Император.

– Шестнадцать, – честно ответил Четвертый.

– Ну да, – кивнул Император и его глаза опять погасли. – Кто в шестнадцать лет думает о таких вопросах?

Он махнул рукой и замолчал. Молчание все тянулось и тянулось, и с каждой секундой становилось все более тягостным.

– Я думал об этих вопросах, – решился вдруг на откровенность Четвертый, – Мы об этом со Старым много говорили. Он всегда говорил, что в монахи ушел, потому что устал в грязи жить – хоть и знал, что предрасположенности к этому классу у него нет и уровней он не поднимет. Я его очень уважал, и, если бы все были такими, как Старый – мне никакие Верхние Планы даром не нужны были бы. Но все такими никогда не будут. Это каждый сам для себя решает, это чисто личное. Старый говорил – заставить быть хорошим нельзя. И это правда.

После этих слов Император опять ожил:

– Ты знаешь, я рад, что ты это сказал. Но ответ на твой вопрос несложный, я удивлен, как ты сам до этого не додумался. Старый прав, быть хорошим заставить нельзя. Но можно создать такие условия, когда быть хорошим выгоднее, чем быть плохим. Именно этим мы и собираемся заняться. И в твоих силах нам помочь. Задай мне опять правильный вопрос – только не спрашивай, что тебе надо будет делать.

Четвертый немного подумал и спросил:

– Как становятся мирами первой степени?

Император улыбнулся.

– Молодец. Оценка «хорошо». Это следующий этап после «В мир пришла Система». Его условно можно назвать «В мир пришла продвинутая Система». Но есть нюанс. Обычную Систему в мир подсаживают представители других миров. «Систему Плюс» могут запустить только уроженцы этого мира. А знаешь, почему?

– Не знаю, потому что вы даже не сказали, чем же продвинутая Система отличается от обычной.

– А вот этот вопрос уже на «пятерку». Твой и мой вопросы на самом деле об одном и том же. Как я уже говорил, обычная Система отбирает самых сильных, и ее подсаживают в мир извне. Как правило, систему подсаживают представители именно тех миров, куда будут

уходить самые сильные, самые умные, самые хитрые, самые безжалостные, самые трудолюбивые и прочие самые-самые.

Грубо говоря, обычная Система заточена под отбор особей-рекордсменов из отсталых миров и их переманивание к себе. В общем-то, ничего нового – в досистемные времена примерно тем же занималось ведущее государство нашего мира под названием Соединенные Штаты Америки. Они выстроили такой порядок вещей, при которой лучшие представители других стран рано или поздно оказывались в США. И, в общем, было бы странно их в этом упрекать – по тому же самому принципу свою политику строили все, кто мог себе это позволить. В Россию, которая была лидером региона, ехали делать карьеру жители близлежащих стран СНГ; Москва, будучи самым продвинутым городом страны, как магнитом притягивала к себе лучших представителей российских регионов – и так далее, вплоть до районного центра, куда перебирались жители окрестных депрессивных деревень.

Тут Император посмотрел на откровенно скучающего Четвертого, и махнул рукой:

– Ладно, что-то я увлекся. Для тебя это действительно что-то из времен окаменевших какашек мамонтов.

– Нет, почему, мне интересно! – не очень убедительно запротестовал Четвертый. – Я просто не очень понимаю, какая разница между Системой и Системой Плюс.

Император улыбнулся.

– Сейчас объясню. Во времена моей молодости была такая шутка: «Какой же русский не любит быстрой езды? Тот, на котором ездят». Стандартная Система хороша для всех, кроме общества, в которое ее подсаживают. Она прекрасно учитывает все параметры и все достижения – но только индивидуальные. Социальные не учитываются вообще. Ты можешь спасти девушку от хулиганов, а можешь забить насмерть десять старушек – очков тебе отсыпят примерно одинаково, по количеству побежденных соперников.

– А почему так? – с искренним интересом спросил Четвертый. – Разве нельзя сделать справедливую Систему?

– Конечно можно. Более того – именно такая Система и работает в Верхних Планах. Она жестко карает за преступления против общества и поощряет любые действия, направленные на благо окружающих. Куча ушедших в Верхние Планы топов слетели обратно на Землю именно потому, что привыкли идти наверх по головам и менять свои привычки не собиралась. И наоборот – если твой Старый действительно всю жизнь помогал приютским детям – Система Плюс насыпала бы ему кучу плюшек, и он взлетел бы в уровнях как ракета.

– Тогда почему нам ставят ущербную Систему? – очень зло спросил Четвертый.

– Ты чем слушаешь? – удивился Император. – Разумеется, потому что миры первой степени не заинтересованы в развитии нулевых миров. Они заинтересованы в том, чтобы «нулевки» исправно поставляли им элитный человеческий материал. Как ты думаешь, из каких миров будет уходить больше народа – где беспредел и все режут друг друга, или где люди живут пусть небогато, но по справедливости? Вот они и создают условия, чтобы из нулевых миров мечтал вырваться каждый их житель.

– Понятно, – еще более помрачнел Четвертый. – А зачем это все? Зачем им переманивать людей с отсталых миров?

– Ну ты спросил. Потому что люди – это единственное реальное богатство. Тем более – отобранные люди, превосходящие всех остальных. Именно они создают все блага и все богатства – только они и никто другой. Любое общество, которое думает о своем будущем, основные усилия направляет на то, чтобы возвращать таланты. Это называется «система социальных лифтов» – лучшие должны получать возможность развития и не уходить на сторону. Если люди видят, что дома все устроено честно и по справедливости, они обычно никуда не уходят. Людям свойственно любить свой дом и свою Родину – это нормальное человеческое состояние.

– Понятно, – повторил Четвертый. – Возник следующий вопрос – как запускается Система Плюс?

Император улыбнулся.

– Я уже сказал – во-первых, это могут сделать только уроженцы Земли. Все остальные в этом не заинтересованы, более того – будут этому противиться. Думаю, понятно – почему. Во-вторых, реальные возможности для этого есть только у тех, кто ушел в Верхние Планы и неплохо там раскрутился. Потому что это требует огромных вложений – как финансовых, так и человеческих ресурсов.

К сожалению, большинству ушедших в Верхние Планы на свою малую родину откровенно наплевать. И их в какой-то степени можно понять. Всю свою жизнь они положили на то, чтобы вырваться из этого мира. Почему их должна заботить судьба оставшихся там побежденных соперников? Более того – как нетрудно догадаться, человеческие кланы верхних миров постоянно подпитываются новичками, приходящими с Земли. Попытки пусть даже уменьшить масштабы «поставок нового мяса» они воспринимают как угрозу и всячески этому противятся. Мой клан – один из немногих, кто пытается запустить на Земле «Систему Плюс». На этой почве мы обрели много врагов. Одну из удачных операций наших противников ты только что наблюдал собственными глазами.

– А вы-то зачем это делаете? – строго, как будто он имел на это право, спросил Четвертый.

– В смысле? – теперь опешил уже Император.

– Зачем вы пытаетесь запустить на Земле «Систему плюс»? Вам это зачем надо?

Император даже немного растерялся. Он развел руками и сказал:

– Мне нечего ответить на этот вопрос. Просто – мне это надо. Есть у меня внутри зверь, именуемый «совестью», который требует, чтобы я этим занимался. Когда у нас с тобой будет немного больше времени, я с удовольствием поболтаю на эту тему и расскажу про одного мужика-перфекциониста, который объяснил людям про звездное небо над головой и нравственный закон внутри нас.

А пока я, наконец-то, перехожу непосредственно к заданию. Запуск «Системы Плюс» – это не одномоментный процесс. Ее нельзя запустить сразу на всю планету – только на небольшом кусочке территории. Потом – на втором, на третьем... Постепенно таких анклавов будет становиться все больше, потом Система Плюс начнет доминировать и со временем Земля перейдет в разряд миров первой ступени.

Но это все дело далекого будущего, а пока нам нужно запустить ее на первом участке. Мы к этому готовились 70 лет. Дело в том, что здесь, во Владивостоке, есть некий, скажем так, артефакт. Его вторая половина под названием «скрижали» находится в Москве, и обе половины уже в наших руках – и не спрашивай, во что мне это обошлось. Осталось только доставить московские скрижали во Владивосток.

Но в этом и состоит главная сложность.

Работа с любыми артефактами, имеющим отношение к Системе Плюс, обставлена огромным количеством условий, которые почти невозможно выполнить. Чтобы принести вторую половину во Владивосток, нужно совершить паломничество. Нести артефакт сможет только человек с умением «Святости» минимум второго уровня. У Генки прокаченная «Святость» была, но Генки больше нет. Другого обладателя «Святости», кроме тебя, в окрестностях не наблюдается – уж поверь мне, мы всех как песочек просеяли. В пределах досягаемости были еще двое, но Черные не только здесь спецоперацию провели. В общем, хорошего перерождения новопреставленным.

Короче – или идешь ты, или не идет никто. У тебя – нулевой уровень умения, это плохо, но не критично, есть время прокачать «Святость» по дороге туда. Хуже другое: вероятность того, что ты дойдешь до Москвы не просто маленькая – она отрицательная. Тебя с твоим четвертым уровнем даже убивать не будут – случайно раздавят, не заметив. Ты даже не пред-

ставляешь, какие банды монстров засели по дороге в Москву, в кого превратились обитатели дальневосточной и сибирской тайги. Никто из них тебя не пропустит, напротив – они будут целенаправленно охотиться за паломниками. Извини за подробность, но мясо обладателя «Святости» дико бустит прокачку. На тебе, по сути, написано аршинными буквами: «Хочешь в Верхние Пределы? Я твой пропуск, съешь меня!».

– А вы умеете подбодрить кандидата, – не удержался от подколки Четвертый.

– А у меня нет вариантов, – улыбнулся в ответ Император. – Решение отправиться в паломничество ты должен принять самостоятельно, без какого-либо давления и угроз и обладая всей полнотой информации о возможных последствиях. Поэтому говорю тебе как на духу – практически наверняка ты сдохнешь. Другое дело, что у тебя и здесь альтернативных вариантов особо не просматривается. Всемером вы по-любому не выживете. А так хоть доброе дело попытаешься сделать. Ну и мы, естественно, сделаем все возможное, чтобы повysить твою выживаемость.

– А вот про это можно поподробнее? – Четвертый немного оживился.

– Да тут тоже особо похвастаться нечем, – криво ухмыльнулся Император. – Я бы, разумеется, отправил с тобой два десятка хаев из своего клана, которые стелили бы тебе под ножки просеку выжженной земли отсюда и до Москвы. Но я уже говорил про огромное количество условий, которых мы должны придерживаться при выполнении этого суперквеста. Одно из них – действующие обитатели Высших Пределов не могут выступать в качестве паломников. С нашей стороны допустимо лишь точечное кратковременное вмешательство, и то – не очень частое.

Но есть и приятные новости – с учетом твоего «никакого» уровня разрешены трое сопровождающих. У Генки был бы один, и ниже его по уровню. У тебя же – трое высокоуровневых хаев, возможно –еще плюс один в качестве перекинутого.

– А что такое перекинутый?

– Демон, который почти все время будет путешествовать в своей животной ипостаси. Обычно перекинутых используют в качестве маунта, как верховое животное. Ты, надеюсь, не расист? К демонам предубеждения не испытываешь?

– Да нет, – растеряно ответил Четвертый. – Владивосток же допускает нахождение демонов на своей территории. У нас в приюте были два цивилизовавшихся демона: один сторож, другой – уборщик. Нормальные они были, лучше многих людей.

– Это хорошо, потому что все твои спутники будут демонами. Ты будешь единственным человеком. Все те же условия квеста, черт бы их побрал. Кстати, есть и стороннее подтверждение – Гуа мне тут напомнила одно старое пророчество, которое, по ее мнению, как раз предсказывает и твое путешествие и твоих будущих спутников: «Трое их будет, застрявших меж двух миров: не звери и не люди, не верхние и не нижние».

– И что это значит? – не понял Четвертый.

– Да то и значит. «Не звери и не люди» – то есть демоны, мутировавшие в разумных животных. «Не верхние и не нижние» – то есть падшие, побывавшие в Верхних Пределах и отправленные обратно на Землю. Но это условие нам, кстати, на руку – у падших обычно все хорошо и с уровнями, и с боевкой.

– Да, это хорошо, – немного успокоено поддакнул Четвертый, которого потихоньку охватывала паника.

– Да, остался суший пустяк – найти этих сопровождающих. Если ты думаешь, что Приморский край перенаселен падшими демонами высоких уровней, то я тебя, боюсь, разочарую. Такие хаи – штучный товар и их давно разобрали себе местные кланы. Некоторые из кланов падшие даже возглавили. А нам нужны не просто падшие хаи, нам нужны демоны, которые согласятся – добровольно согласятся! – сменить класс на монаха. Это увеличивает сложность задачи на порядок. Нет, рано или поздно мы их найдем – или ты сам их найдешь, но это может

занять некоторое время. Пока что Гуа ищет хотя бы одного в ближайших окрестностях Владивостока, чтобы тебя не съели прямо на старте.

Император пристально посмотрел на Четвертого и развел руками:

– Ну вот, все обстоятельства я тебе изложил. Настало время принимать решения. Согласен ли ты, монах, именуемый Четвертым, отправиться в паломничество до Москвы и обратно?

– У меня будет одно условие, – неожиданно даже для самого себя сказал Четвертый.

– Я весь внимание.

– Я не хочу, чтобы монастырь вытеснили с Рикорда. Я не могу сказать, что мне здесь было очень хорошо, но это все-таки мой дом. По крайней мере, никакого другого места, которое я могу назвать своим домом, на этой земле нет. Ну и мне просто жалко шестерых остающихся. Они неплохие люди.

– Семерых, – поправил Император.

– Что?

– Семерых остающихся, говорю, – рассеянно повторил суперхай, – Одного из умирающих я вытащил, а вот второго не получилось, он ушел на реинкарнацию. С тобой вместе в монастыре выжило восемь монахов.

Он испытывающе посмотрел на юношу и Четвертому стало не по себе – Император очень хорошо умел давить взглядом.

– Это единственное твое условие? – спросил глава клана.

– Да, – кивнул монах. – Мне, в общем, больше и просить не о чем.

– Хорошо. Условие принимается, – Император положил ладони на стол и громко, нараспев произнес. – Я, Евгений Штанский по прозвищу Император, глава клана Штанских, даю клятву защищать этот монастырь до тех пор, пока количество монахов не превысит численность в сто человек или пока клан Штанских не будет уничтожен. Эту клятву я исполню вне зависимости от того, чем закончится паломничество монаха по имени Четвертый. Прошу Систему зафиксировать мой обет.

Закончив, он опять вперился взглядом в юного монаха:

– Теперь твоя очередь. Но прежде – еще одно дело. Держи инвайт.

– Что это? – не поверил своим глазам Четвертый.

– Приглашение в клан. Принимай – клановые плюшки тебе в путешествии лишними не будут. Да и пора тебе уже обзавестись нормальной фамилией.

Четвертый, не веря своему счастью, нажал кнопку согласия вступления в клан.

– Ну вот и славно. Я тебя внес в список клана под ником «Монах».

Штанский вновь положил ладони на стол и нараспев произнес:

– Штанский Монах, член клана Штанских, согласен ли ты, добровольно и без принуждения отправиться в паломничество за скрижалями в Москву и обратно?

Четвертый открыл было рот, но ту же смешался, тоже положил ладони на стол – на всякий случай – и только после этого произнес:

– Да, согласен.

По его замыслу, это должно было прозвучать весомо и значительно, но получилось позорно – пискляво.

Император деликатно ничего не заметил, и резюмировал:

– Прошу Систему зафиксировать принятие квеста.

После чего уже нормальным голосом добавил:

– Открывай, смотри – квест появился?

Четвертый зарылся в статус, и спустя секунду радостно крикнул:

– Да, есть! Появился квест «Путешествие на Запад».

Император неожиданно перекрестился и изрек:

– Ну, с богом. В добрый час. Господи, ну и авантюру мы замутили! Рассказать кому – не поверят. Если и прокатит – то исключительно из-за наглости нашей несусветной. Это же уму непостижимо – четверку в Москву посылать!

И он покрутил головой, как будто удивляясь собственной лихости.

Глава пятая. Остров Рикорда

(в которой появляется красивый куратор и обсуждается Псих)

о. Рикорда, часть архипелага

Императрицы Евгении.

42°52' с. ш. 131°39' в. д.

– Там в описании квеста справка есть, ты пока изучи, – велел Штанский Император. – А я процесс запущу.

И он опять достал уже знакомую Четвертому коробочку.

– Гуа – Импу, – сказал он в нее. – Гуа, ответь Импу.

– На связи, – раздался уже знакомый женский голос.

– Гуа, мы открываем «академку» на Земле. Пока в тестовом режиме в размере одной учебной роты. Базироваться они будут на острове Рикорда. Казармы, полигон и прочие полосы препятствий придется обустроить с нуля, озадачь хозяйственную.

Он вдруг повернулся к Четвертому и спросил:

– Здесь хоть место-то есть для сотни человек?

– Да полно! – ответил тот. – Вон, в районе Красных Скал стройся не хочу.

Тот кивнул и вернулся к коробочке:

– В общем, пусть на месте свяжутся с новым настоятелем монастыря, Шестидесят Четвертый его зовут, и здесь уже определятся. Как у тебя?

– У меня – жопа, – эротичным женским голосом проговорила трубка.

– И довольно красивая, я помню, – утвердительно кивнул Император. – Гуа, ты уверена, что сейчас самое время хвастаться?

– Ты не понял, Имп, – сказала коробочка. – Красивая жопа – это у меня. А у нас – огромная, всеобъемлющая, глобальная жопа. Поскольку курировать этот проект ты поставил меня, у меня сейчас одно желание – напиться в дрова и забыться сном деревянного человека.

– Подробности будут? – невозмутимо поинтересовался Император. – Или ты ограничишься охами, вздохами и жалобами на свою судьбу?

– Будут, – пообещала коробочка. – Через пять минут буду у вас, расскажу в подробностях. Имп, если не трудно, навесь портал. Только не забудь, что у меня твоей выхлопной трубы нет.

– Хорошо, сделаю портал пониже, – пообещал Император. – Конец связи.

– Конец связи.

Пять минут пролетели быстро – Четвертый только начал читать справку о квесте, как прямо в трапезной примерно в метре от пола появился портал, из которого изящно спрыгнула женщина, одетая в примерно такой же комбинезон, как у Императора, может, чуть попроще.

Это, надо полагать, и была Гуа – куратор всей операции.

Четвертый как будто окаменел. Сказать, что Гуа была красивой – это ничего не сказать. Она была совершенством. Она была красива настолько, что даже не будила греховных мыслей – ею просто хотелось любоваться, как великим произведением искусства, созданным гением.

– Я понимаю, что каждое появление Гуа вызывает потрясение, которое можно измерять в тротиловом эквиваленте, – осторожно начал Император, – но скажу тебе как на духу, мой юный друг – если ты закроешь рот, ты будешь выглядеть немного умнее.

Рот Четвертый закрыл с такой поспешностью, что зубы клацнули.

– Привет! – помахала рукой женщина – Я Штанская Гуа!

Четвертый смог только кивнуть, так и не выдавив из себя ни слова, зато Штанский не менее игриво помахал ручкой.

– Привет, Гуа! А он – Штанский Монах. Знакомство прошу считать состоявшимся, реплики из разряда «Очень сильно рад» отпустим за ненадобностью – часики тикают, и времени все меньше. Скажи мне как художник художнику – ты сопровождающего нашла?

– Ну, можно сказать, что нашла.

– Так можно сказать, или нашла?

– Нашла, но с его привлечением к операции могут возникнуть проблемы, а у тебя могут возникнуть возражения.

– Звучит интригующе. И кто же он?

– Псих.

Четвертый был готов поклясться, что после этого короткого слова обладатель меча с двумя лезвиями вздрогнул.

– Гуа, что-то в последнее время ты неудачно шутишь. Что про жопу, что про Психа. А время уходит.

– Я не шучу, Имп. Поверь, я все списки пересмотрела дважды. Наш единственный шанс не завалить операцию в самом начале – это выкупать Психа у Желтошапочных. Он же здесь неподалеку сидит.

– Гуа, ты больная? Ты что – его не помнишь? Этот пассажир умудрился заработать погоныяло «Псих» в первые годы после прихода Системы, во времена самого запредельного беспредела! Ты забыла, что он в Верхних Планах учинил? Его, единственного из землян, вязали с привлечением сил третьего плана! Третьего, Гуа, третьего!!! И только после этого – «вывели бледного, руки ему за спину...». Ему пятьсот лет дали, Гуа, пятьсот!!! Сколько он отсидел?

– Двести пятьдесят три, – сухо ответила красавица.

– Двести пятьдесят три. Прекрасно! Да нам его выкуп обойдется в немалую копеечку. Нет уж, избави нас всех от этого Мудреца, равного Небу. Сидит под своей скалой – и пусть сидит. Я к нему ближе, чем на десять верст не подойду и вам не советую. Чур меня, чур!!!

Четвертый с большим интересом наблюдал за происходящим. Что же это за монстр такой, что обычно невозмутимый Император так разволновался?

Но Гуа не собиралась сдаваться.

– Я все помню, Имп. Да, его вязали лучшие бойцы Верхних Планов. А почему пришлось их привлекать? Не потому ли, что Псих был непревзойденным бойцом, лучшим из наших? Да, после пленения его лишили множества способностей, но я уверена, что и сейчас на Земле очень немного тех, кто способен его завалить. Не забывай – свою железную палку он так и не отдал. Это первое.

Второе – Жень, он отсидел двести пятьдесят три года! Ты помнишь себя двести пятьдесят лет назад? Сравни с собой сегодняшним! Тебе не приходило в голову, что человек... Ну пусть не человек – существо – могло измениться?

Ну и третье – самое главное. У нас нет других вариантов, Жень. Я все перепроверила многократно – в окрестностях Владика просто нет других кандидатур, на которых мы могли бы надавить так, чтоб они согласились на паломничество и смену класса. А ему сидеть еще двести сорок семь лет. За избавление от такой перспективы он вполне может согласиться стать монахом.

И не забывай – у нас пока нет второго и третьего сопровождающих, и непонятно, когда мы их найдем. Я не знаю, сколько им придется идти вдвоем. Если кто-то и способен защитить этого задохлика в одиночку – то это Псих.

По окончании этой вдохновенной речи Император задумался и думал довольно долго – минуты три. Гуа и Четвертый молча ждали его решения.

Наконец, глава клана покачал головой.

– Нет. Он неуправляем, Гуа – и всегда будет неуправляем, иначе это уже не Псих. Я слишком много вложил в этот проект. Привлечь в проект Психа – это подвесить тикающую бомбу с часовым механизмом. Никто не будет знать, когда она рванет, но она рванет обязательно.

– Вот именно! – красавица почему-то победно улыбалась. – Я предполагала, что ты это скажешь. А ведь выход есть, и он очень простой – просто надо неуправляемого сделать управляемым. Ты помнишь проект Вишенки?

– Ты про тот вынос мозга? – медленно начал Император

– Да-да! – кивнула Гуа. – Знаешь для чего мне нужны были те пять минут? Я связалась с Вишенкой, и она клятвенно гарантировала мне, что работающий прототип будет готов через несколько дней.

– А Псих поведется? – быстро спросил Император.

– Жень, ты что – его не помнишь? – укоризненно спросила улыбающаяся красавица. – Он же на цацках всегда повернут был. Ты вспомни, как он ходил в те годы! С золотой цепью размером с собачью и с аксельбантами. Стиль «Дембель едет в родной колхоз».

– Да, это меняет дело.

Император вновь задумался. Через минуту вынес, наконец, вердикт.

– Ладно, весь этот проект такая авантюра, что безумством больше, безумством меньше – уже нет никакой разницы. Пусть будет Псих. Все, решили. Гуа, вали на свиданку с Психом. Встречаться будешь сама, лично, и пообщайся с ним очень плотно. Предложение делай только когда убедишься, что у него за эти годы башню не сорвало.

– Это вряд ли, башка у него всегда на зависть крепкая была. Вспомни, чем его только по этой самой голове не лупили, – откомментировала Гуа.

– Сама говорила, люди меняются. Хотя ты права – проблемы с головой могут быть только у того, кто может похвастаться наличием хоть маломальского вместилища ума. В общем, если он не свихнулся, не хочет досиживать и согласится участвовать в нашей аванюре – начинай с Желтошапочными переговоры о выкупе. Постарайся сбить цену насколько возможно – не забывай, у нас фактически идет война с Черными. Дави на то, что если за столько лет он никому не понадобился, то уж сейчас, когда его все забыли, его никто, кроме нас, выкупать не будет.

– Папу своего поучи переговоры вести, сынок! – поморщилась красавица.

– Извини, да, затупил. Просто времени все меньше, реально авралить придется. Все, беги, а я с Четвертым к Тиграм портанусь. Стой! Ты вообще что-нибудь для нашего паломника взяла? Хотя бы пилюлю Глубинного Оздоровления?

– Тьфу ты, чуть не забыла. Все взяла. И пилюлю тоже. Хомяк едва не разрыдался, когда мне ее из кланхрана выдавал.

– Перетопчется! – отрезал кланлид. – Нам она нужнее. Давай, начинай инструктаж, раздачу слонов и материализацию духов.

– Вот это я люблю! – просияла красавица. – Мелкий, иди сюда. Будем тебя в дорогу собирать.

Перед красавицей невесть откуда материализовался хурджин – дорожная сумка из двух соединенных мешков, которые хочешь – через плечо носи, хочешь – через лошадь перекинь.

«Из пространственного кармана вытащила» – догадался Четвертый и жалостливо вздохнул: до двухсотого уровня о пространственном кармане можно было и не мечтать.

– Конечно, мы бы с удовольствием упаковали тебя в полный фарш, но, к сожалению, Мелкий, много в дорогу тебе не дашь – начала меж тем инструктаж Гуа. – А разгадка одна...

– Дай угадаю. Безблагодатность? – влез с непонятной репликой Император.

– А разгадка одна – твоя «Святость», – подчеркнуто игнорируя кланлида, пояснила красавица. – Подробнее прочитаешь в справке, но главное поясню на словах. Нет более капризного в прокачке параметра, чем «Святость». Ты должен безукоризненно следовать монашескому канону, иначе вместо роста начинается регресс. Пронежился в постели утром лишние

10 минут – получай минус. Сожрал с голодухи кусок мяса – получай минус. Сорвался и наорал на тупицу-подчиненного – получай минус. Не выдержал и полез в драку – получай кучу минусов. В общем, один только Генка, святой человек, мог качать это умение. Ну и тебе придется научиться, если выжить хочешь.

Уясни раз и навсегда, один из главных принципов прокачки – избегать излишеств, обходиться только самым минимумом. Поэтому снаряжать тебя всерьез – не только бессмысленно, но и вредно. Мы тебя упакуем – а с тебя «Святость» слетит. С другой стороны – есть вещи, без которых тебе просто не обойтись. Первая – это подорожная.

И она подала Четвертому довольно таки большой свиток.

– У подорожной двойное назначение. С одной стороны, она подтверждает, что ваше паломничество – проект клана Штанских. Нас, разумеется, знают далеко не везде, но там, где знают, подтвержденная принадлежность к одному из ведущих кланов Земли в Верхних Планах может уберечь тебя от неприятностей.

Но главный смысл подорожной в другом. Ты должен отмечать ее у правителей всех городов и поселений, через которые вы будете проходить. По возможности, разумеется – если в какой-нибудь пещере демонов из вас будут готовить обед, не надо подсовывать подорожную главарю со словами: «Распишитесь и печать поставьте, пожалуйста». Но если есть маломальская возможность – лучше отметку поставить. Дело в том, что эти отметки сигнализируют Системе, что паломничество продолжается, квест выполняется, и за каждую отметку она будет отсыпать вам добряков, и чем дальше вы зайдете – тем больше. Главный из этих добряков – очки для прокачки «Святости». Пока все понятно?

– Конечно, – пожал плечами Четвертый.

– Тогда прячь подорожную в сумки. Хурджин, кстати, абсолютно обычный – ни вес не снижает, ни тем более в подпространство ничего не прячет. Цена ему – три копейки, зато и влияние на «Святость» – нулевое, изнашивается – поменяешь. Пошли дальше. Бронька и пуха.

– Чего? – не понял Четвертый.

– Одежда, говорю, и оружие. Не обращай внимания, последствия юношеского зависания в онлайнных РПГ.

– Гуа у нас из задротов, – прокомментировал Император и немзыкально пропел – А после из задрота до министра дорастешь...

В ответ даже не последовало традиционного «заткнись!», но инструкторша так посмотрела на своего кланлида, что тот заметно смутился и примиряюще поднял руки:

– Все, извини, бес попутал.

Гуа, помолчав, кивнула и продолжила:

– Из одежды тебе три монашеские рясы – две дорожных на сменку и парадная. Дорожные – обычные, безо всяких плюсов, а вот парадная – изрядно навороченная. Использовать ее будешь для торжественных приемов или если молебен попросят отслужить. Несмотря на богатый внешний вид, «Святость» при использовании поднимает по максимуму, мы склады в трех филиалах вверх дном перевернули, прежде чем этот уникал нашли. Эту рясу береги – в дороге на замену вы ничего не найдете, а на свете по-прежнему чаще всего встречают по одежке. В одну из дорожных ряс переодеваешься сейчас, два оставшихся комплекта одеяний – в сумки. О, Господи, этот телок еще и краснеет. Да отвернусь я, отвернусь, не надо нам здесь рыданий оскорбленной невинности.

И красавица действительно повернулась к монаху спиной и следующий предмет подала из-за плеча, не поворачивая головы.

– Пуха. Посох монашеский дорожный с девятью медными и стальными кольцами. Его тоже береги, редкая вещь. «Святость» не режет вообще, а заклинания усиливает изрядно. Если ты в дороге обзаведешься чем-нибудь кроме своего любимого «Малого лечения» – пригодится.

Дальше. «Банок», то есть пилюль, заряженных одноразовыми заклинаниями, тебе достанется всего пять, больше нельзя. И опять-таки, только то, без чего не обойтись. Четыре из пяти – это заклинание смены класса. Это для твоих спутников, хаев-демонов, которые согласятся последовать с тобой в паломничество. Эти банки береги как зеницу ока, в дороге вы их никак не добудете, они стоят как крыло от космического корабля «Буран».

– Как что? – опять не понял Четвертый.

– Забей, – посоветовала Гуа. – Они уже при тебе. На рукавах твоей парадной рясы – четыре красных пуговицы, по две на каждом. Когда находишь спутника, срезаешь пуговицу, даешь ему проглотить, у него появляется возможность сменить класс на «монаха».

– А почему четыре? – удивился монах. – Говорили же про трех хаев.

– Перекинутый по нормам проходит, я перепроверила. Только перекинутого бери с верховым животным в основе.

– В смысле?

– В смысле – их тех демонов, кто развился из лошади там, осла и тому подобное. А то возьмешь ежа, потом всю задницу исколешь. Перекинутому придется путешествовать в своем изначальном виде и в качестве верхового животного, не забывай.

– Понял, – подтвердил Четвертый.

– Пятое заклинание – трехразовое. Ты там переоделся, красна девица?

– Да, давно, извините.

– Прекрасно, – Гуа повернулась и протянула ему обычную иголку. – Вот. Здесь томятся в заключении три Духа Вечерней звезды с Запада. Когда ты попадаешь в полную задницу... Заметь, я не говорю «если», я говорю «когда». Так вот – когда ты попадешь в полную задницу и у тебя не будет даже теоретической возможности спастись, просто уколи себя этой иглой до крови. Дух Вечерней звезды выпьет каплю твоей крови и сможет покинуть свое узилище. В благодарность он тебя из этой задницы вытащит. Но эта услуга – одноразовая. Не забывай, у тебя всего три Духа на все путешествие.

– Понятно – кивнул Четвертый, и замялся, не зная, куда деть иголку.

– В рукав воткни, – заметив его колебания, посоветовала Гуа. – Да не сюда, в самый низ рукава. Тогда ты сможешь ее достать, даже если у тебя руки будут связаны за спиной. Так...

Она на мгновение задумалась.

– Чашки для еды и сбора подаяний, котелок, огниво и прочие нужные мелочи лежат в хурджине. Тексты молитв и богослужений, религиозные трактаты, выучиваемые заклинания и прочая полезная литература уже закачены в встроенную библиотеку. Возьми себе за правило читать их каждый день перед сном – тебе нужно до Москвы кровь из носа прокачать «Святость» до второго уровня. Вроде бы все. Настало время вишенки на торте.

Гуа протянула Четвертому небольшую круглую пилюлю.

– Просто проглоти.

– А что это? – опасливо поинтересовался монах.

– Пилюля Глубинного Оздоровления. Легендарка. Пять минут тебе будет очень больно, а потом твой организм очистится от всех шлаков и полностью перестроится. Ты станешь таким, каким вырос бы не зная нужды, с полноценным питанием и целым штатом личных докторов и тренеров. В дорогу уйдешь полностью здоровым. Глотай!

И Четвертый проглотил пилюлю.

Глава шестая. Остров Рикорда, Владивосток, Лучегорск

(в которой путешествие наконец-то начинается)

о. Рикорда, часть архипелага

Императрицы Евгении.

42°52' с. ш. 131°39' в. д.

«Тебе будет очень больно» было явной лакировкой действительности. На самом деле Четвертого кто-то сначала яростно жевал, а потом с не меньшим энтузиазмом переваривал. Он боли Четвертый орал так, что удивительно, как его не вывернуло наизнанку, кишками наружу. Если бы не обезболивание, которое кто-то периодически кидал на него все эти бесконечные годы (по крайней мере, так это время ощущал сам монах), он бы, наверное, просто помер.

Потом боль исчезла. Совсем. Как отрезали. Четвертый обнаружил себя закатившимся в угол трапезной и лежащим там в позе эмбриона. Ничего не болело. Наоборот – ему стало легко и хорошо, как никогда в жизни. Исчезли все боли и неудобства, заново вырос выбитый месяц назад зуб. Когда он поднялся на ноги, ему показалось, что он стал выше ростом – примерно на голову.

– А ну, поворотись-ка, сынку – непонятно поприветствовал обновленного Четвертого и добавил еще непонятнее. – Дывысь, куме, який гарный хлопец зробився.

– Да уж... – охотно откликнулась Гуа, пристально рассматривавшая молодого монаха с непонятным выражением лица. – Кто бы мог заподозрить, что под личиной печального заморыша, на которого без слез не глянешь, скрывался этот красавчик?

Она повернулась к кланлиду:

– Имп, ты это специально сделал? Чтобы на него не только демоны, но и все встречаемые демонессы охоту открыли?

– Ты еще здесь? – с деланным удивлением поинтересовался тот. – Тебя не юные красавчики заботить должны. Псих – вот кто должен быть единственным и ненаглядным объектом твоего внимания!

– Вот уж кто стоит последним в очереди моего интереса, – фыркнула Гуа, – так это волосатая уродина ростом с табуретку. Ладно, адыю, мальчики. Имп, бросай портал.

– Да, сейчас.

И он повернулся к монаху.

– Если тебе нужно попрощаться, самое время сделать это сейчас. Причем – бегом. Мы с тобой отбываем через пять минут.

– А куда? – растерялся юноша.

– Во Владивосток, к Клетчатым Тиграм. Пока тебе еще можно пользоваться порталами. Монастырскую лодку Черные утопили, а добираться до города вплавь мне не представляется удачной идеей.

Четвертый метнулся к двери. Через минуту он стоял перед Шестьдесят Четвертым.

– Я ухожу с *этим*. Наверное – совсем.

– Вали, – лаконично пожелал ему доброго пути новый настоятель. – Это тебя для него таким красавчиком сделали?

– Да нет! – Четвертый мгновенно покраснел до кончиков ушей. – Это совсем не то, что ты думаешь!

– Да ладно тебе, – расплылся в улыбке Шестьдесят Четвертый. – Я же без всякой задней мысли. Задней, хе-хе. Я даже рад за тебя. Хоть кто-то выживет.

– Вы все выживете! – заверил его бывший омега монастырской братии. – Я договорился.
– Ну раз ты договорился, тогда конечно! – рьяно закивал головой новый настоятель. – Тогда вообще базара нет. Спасибо, братан! От души.

– И вам тоже спасибо, – улыбнулся в ответ Четвертый. – За все спасибо. А ты, я смотрю, ожил уже?

– А какие варианты? – удивился Шестьдесят Четвертый. – Раз уж не сдох, надо жить дальше. Что ныть-то, все равно уже все случилось и ничего не исправить. Жизнь – она только в одну сторону едет, заднюю не включишь. Хе-хе...

На второй «задней» Четвертый не выдержал и засмеялся. Все-таки Шестьдесят Четвертый неисправим.

– Ладно, пошел я, – сказал он, просмеявшись. – Счастливо вам здесь оставаться.

– И тебе не хворать! – кивнул настоятель. – Геморроем особенно.

С этим напутствием Четвертый и пошел обратно в трапезную. На душе у него было легко от того, что прощание получилось... Правильным, что ли? В голове почему-то вертелась фраза, сказанная Старым, когда его увозили из приюта: «Долгие проводы – лишние слезы».

Старая жизнь закончилась.

Через две минуты они с Императором шагнули в портал.

А через три – вышли во Владивостоке.

г. Владивосток,

центр Приморской локации

43°07' с. ш. 131°54' в. д.

У Клетчатых Тигров Четвертому не понравилось. Император сразу исчез за какой-то дверью, бросив через плечо: «Посиди пока в коридоре». В коридорах штаб-квартиры одного из крупнейших кланов Владивостока было суетно, бегали какие-то нервные люди, самые представительные из них даже кричали на ходу в уже знакомые монаху коробочки: «Не дал, гнида! Говорит – вы фонды уже выбрали. Прикинь, да! Пойду к Семенычу, а что делать?».

Одна радость – сидеть пришлось недолго. Дверь, за которой скрылся Имп, открылась, оттуда выглянула милая девушка в мелкую кудряшку и почтительно произнесла:

– Вас просят.

– Да-да! – торопливо подорвался Четвертый.

В кабинете сидел Имп и какой-то толстый мужик. Четвертый и поздороваться не успел, а тот уже заголосил:

– Этот? А чо – нормально! Доведем в лучшем виде, и не таких доводили. У меня, знаешь-понимаешь, спецы! Профессионалы! Лошадку ему помирнее подберем, я ж вижу, что этот разве что на заборе да на толчке сидел. А лошадка – она чует! Она все понимает, кто на нее лезет! В смысле – ехать, а не то, что вы подумали.

Император поморщился.

– Короче, Рыкало! Много слов. Когда у тебя караван в Лучегорск уходит?

– Завтра собирались, но ради вас – мы ж, понимаете, со всем почтением, у нас же многолетние, так сказать, партнерские! Я же понимаю, мы же для вас – все как один! А также – гораздо еще!

– Сегодня, – прервал излишняя Император. – Сегодня вечером караван. Охрана двойная, я доплачу. Только не борзей, когда счет выписывать будешь. А то есть у тебя такая дурная тенденция – предаваться фантазиям. В Лесозаводске ему в сопровождение – не меньше пяти человек и не ниже ста пятидесяти по уровням. Есть у тебя там такие?

– Найдем, – кивнул Рыкало.

Поболтать мужик, судя по всему, любил, но и с чуйкой у него все было в порядке – понимал, когда лучше придержать язык.

– Эти пятеро, если не семеро, должны довести нашего человека до хабаровской границы, но за границу локации не переходить – это важно. Сопровождение допускается только в стартовой локации.

Он впервые посмотрел на Четвертого и подмигнул:

– Не переживай, Штанский Монах! Псих у самой границы заточен, тебе там только в долину спуститься, координаты я тебе скинул.

Он вновь повернулся к Рыкало:

– Хватит пятерых-то? Там никаких банд не завелось, демоны не шалят?

– Да кому там шалить, в этой жопе мира? – махнул рукой толстяк. – Там кроме вшей ничего не заведется – нет кормовой базы. Психа туда потому и посадили, говорят, потому что там самые гиблые места. Я сам, конечно, не был, но справку мне подготовили!

Он схватил со стола какую-то бумажку и помахал ею, не показывая.

– Ну, смотри! – подвел черту Император и встал. – Мне пора. Рыкало, выйди, мне пару слов человеку своему сказать надо.

Рыкало, задрав подбородок, удалился с чрезвычайно независимым видом.

– Времени действительно нет, поэтому буквально пару слов. – довольно неторопливо сказал Имп. – Психа не бойся. Никогда не думал, что я это скажу, но он не самый плохой вариант. У него два грузовика недостатков, но подлости среди них не значится. Самое главное – не забывай, что главный ты. Ты, со своим четвертым уровнем – командир. Последнее слово – твое. Решения принимать тебе. Ну и вообще – не бойся.

Тут он задумался и пожевал губами.

– Странно. Так много хотел тебе сказать, вот сейчас последняя возможность – и слов нет. Наверное, просто смысла в моих словах немного. Ты или выплывешь и выживешь, или просто очень быстро сдохнешь. В общем, не буду я тебе советов давать, будем считать – война план покажет. Просто – помни, за чем ты идешь. Ну, все, давай!

Император хлопнул Четвертого по плечу, повернулся через левое плечо и исчез – как будто вкрутился в небытие.

Четвертый остался один.

пгт Лучегорск, центр Пожарского

сектора Приморской локации

46°27' с. ш. 134°17' в. д.

Дорога до Лучегорска, по мнению Четвертого, слова доброго не стоила. Единственный от нее прок – монах научился ездить на лошади. Но с учетом того, что все эти дни с утра до вечера он проводил в седле – этому научился бы и идиот. А в остальном – скука и тоска. Торговый караван был большим, охрана – многочисленной, дорога – наезженной, тоска – зеленой. Утром Четвертому подавали завтрак, хоть и постный, но, что по приютским, что по монастырским меркам – невероятно роскошный. Рыкало честно отработывал деньги Штанских.

Потом юноша несколько часов слушал цокот копыт своего действительно смиренного и тихого коня. Затем дневка, сухой паек, цок-цок-цок, лукуллов пир ужина, спальник, священные тексты, сон.

Попытался было читать в седле – быстро понял, что это была плохая идея. Хорошо еще – сообразил шептать молитвы в дороге, в итоге поднял «Святость» на семь пунктов. Немного, но курица по зернышку клюет, а на стул не жалуется.

И вот, наконец, Лучегорск – последний крупный населенный пункт перед границей локации. Здесь паломник попрощался с караваном, ушедшим торговать в Хабаровск и еще почти сутки ждал проводников, которые должны были отвести его к горе Высокой. Согласно отметкам, сделанным Штанским, рядом с этой горой и находилось место заключения Психа.

В Лучегорске от скуки Четвертый прочел краткую справку о населенном пункте в путеводителе – вместе с разнообразной религиозной и обучающей литературой ему в библио-

теку зачем-то закачали еще и текст с названием *«Краткий, но обстоятельный путеводитель, составленный тревел-блогером Папкой-Паганелем на пути от Владика до Москвы»*. Гуа, правда, приписала, чтобы он не слишком доверял прочитанному – почти все считают эту книгу мистификацией, а неведомого Папку – брехливым мифическим персонажем.

Про Лучегорск неведомый Папка написал, что пиво здесь плохое. Также сообщил, что это бывший центр бывшего Пожарского муниципального района бывшего Приморского края, добавив, что в Пожарский муниципальный район влезет весь Израиль и еще останется место для Гренады и Мальдив. Четвертый понятия не имел – кто такой Израиль и его друзья, поэтому эта информация оставила его равнодушной.

А вот сообщение про главную достопримечательность Лучегорска – трубу № 3 Приморской ГРЭС высотой 330 метров, что делает ее самым высоким сооружением на Дальнем Востоке – его очень заинтересовало.

Настолько, что он со скуки даже пошел смотреть достопримечательность.

Но ничего там не нашел.

– Простите, а где труба? – поинтересовался он у пробежавшего мимо потертого мужичка в какой-то запредельно древней энцефалитке.

– Какая труба? – оторопел тот.

– Ну эта... – застеснялся Четвертый. – Самая высокая. Номер три.

– А, эта... Упала она. Давно уже, еще при прадеде моем. Старики говорят – демоны ее шатали.

– Какие демоны? – удивился монах. – Мне говорили, что у вас здесь никто не водится – нет кормовой базы. Все у вас тихо и спокойно.

Мужичок остановился, жалостливо посмотрел на Четвертого и спросил:

– Ты сам откуда такой... свеженький?

– Из Владика, – немного прихвастнул монах. Ну не рассказывать же про Рикорда. Он, небось, и не знает про такой остров.

– Понятно. Ты это... Ты отвыкай от столичных привычек, братан. Целее будешь. Тут тебе не Владик, где три кольца сдерживания. У нас здесь, знаешь, все просто: закон – тайга, демон – прокурор, ходи опасно. Даже в поселке. Понял?

Четвертый кивнул.

– Ну, а раз понял, то бывай, портовый житель. Не кашляй!

И абориген в энцефалитке деловито удалился.

Четвертый пожал плечами и вернулся в гостевую комнату лучегорской штаб-квартиры Клетчатых Тигров. Там он продолжил читать толстенный том Тхеравады – все равно больше делать было нечего, а «Святость» сама не прокачается. Читал, читал, и незаметно заснул.

Разбудил его глава местного филиала самолично. И сразу огорошил долгожданным сообщением:

– Вставай, прибыло твое сопровождение. Вон они, орлы – стоят, копытом бьют, так хотят тебя отвести до границы с Хабаровой и закрыть уже нафиг эту сделку.

Он кивнул в сторону двери, где в самом деле переминались с ноги на ногу двое мужичков – потолще и потоньше. Выглядели они откровенно похмельными, да и в целом презентабельностью не блистали, больше напоминая бомжей, чем таежников.

– Да, да, конечно! – засуетился Четвертый. – Только эта... А почему их два всего? Где еще трое?

– Тигра ловят в Федосьевке. – заговорщицки сообщил местный начальник.

– Какого еще тигра? – опешил монах.

– Уссурийского, – честно сказал глава. – Бенгальские у нас не водятся.

– Так это... Вы же по условиям сделки пятерых сопровождающих должны выделить.

Начальник филиала заметно огорчился. Он посмотрел в потолок, потом плюнул на пол и сказал:

– Вот правильно вас, столичных, нигде не любят. Все «я», «я», все для себя только. Ты меня спросил? Ты ко мне подошел, по-человечески со мной поговорил? Нет, ты на кровати валялся и книжки читал! – обличающе сказал он. – Ты вообще хотя бы знаешь, как меня зовут?

Покраснев, Четвертый покачал головой.

– Вот! – торжествующе резюмировал аноним. – А у меня, между прочим, всего пять егерей! На весь район, куда Израиль влезет! А тигр, между прочим, опасный! Людоед! Еще день-два – он всю Федосьевку сожрет!

Под напором обличений Четвертый уже окончательно смешался и поплыл. А безымянный начальник тем временем входил в раж:

– Но тебе же пофиг на тигра! Плачьте, жители Федосьевки! Их величество желает путешествовать в большой компании!

Он вдруг перестал кликушествовать, по птичьему наклонил голову набок и спокойным тоном сказал:

– Слушай, что ты в бутылку лезешь? Вот тебе не пофиг – двое тебе дорогу покажут или пятеро? Я вот не такой как ты, я тебе честно скажу – мне эта сделка даром не упала. Ее головной офис заключал, им все бабло и уйдет, мне три копейки на бедность кинут и все – крутись дальше сам. Ну, нафига тебе пять сопровождающих?

– Так это... – замаялся было Четвертый, но потом вспомнил вчерашнюю встречу. – Так сами знаете: закон – тайга, демон – прокурор, ходи опасно.

– Ходил, значит... Вынюхивал, – скорбно пожевал губами аноним. – Ну хорошо, пусть так. Но толку-то? Зверя какого или одиночного демона и эти двое обиходят – ты же видишь, они при оружии. Ты не смотри, что они неказистые, они в корень пошли. А если на банду нарветесь, то там что двое, что пятеро – без разницы. Так нафига мне вообще без егерей оставаться? Ты это... Ты о других людях хоть иногда думай. Ты пришел-ушел, а нам тут жить еще. Ну что – берешь двоих, или так и будешь книжки читать?

Глядя на противную рожу безымянного начальника, Четвертый подумал немного, махнул рукой и сказал:

– Беру.

Взяли их на исходе второго дня путешествия по тайге, когда они уже выходили к горному кряжу. Шли по высокой траве, Четвертый такой в жизни не видел – выше человеческого роста. Первым шел тонкий, за ним – монах с конем в поводу, толстый занимал место в арьергарде.

Он и исчез первым, успев, правда, коротко крикнуть. Хотя мог бы и не орать: два оставшихся путешественника все равно ничего сделать не успели – тонкий даже оружия не обнажил. Просто из травы с криком «Сюрприз!» выскочили какие-то несусветные уродины, повалили всех на землю (кроме коня, разумеется), умело связали руки за спиной какой-то колючей веревкой и на пинках погнали в неизвестном направлении.

Как выяснилось через пару часов – направление держали на пещеру в тех самых горах, к которым Четвертый со спутниками уже почти подошли.

Надо отдать должное дисциплине демонов, за всю дорогу они не издали ни звука. Тишину нарушил только тонкий, который вдруг принялся истошно орать, но ему тут же заткнули рот чьей-то сменной набедренной повязкой. Вы никогда не поверите – сколько ткани можно затолкать в человеческий рот при должном усердии.

Голос демоны подали только на подходе к пещере.

– Князь! – истошно вопили они, – Князь, это мы, мы вернулись! Князь, Чирей не соврал – там действительно мясо гуляло! Мы их взяли, Князь, их трое! Жирненьких!

Последнее слово ввергло Четвертого в пучину самых мрачных предчувствий.

Глава седьмая. Пожарский район

(где появляются сразу два спасителя – плановый и внеплановый)

Где-то в Пожарском секторе

Приморской локации

46°63' с. ш. 134°10' в. д.

Вышедший на встречу добытчикам Князь выглядел внушительно – ростом высок, в плечах широк, морда красная и волосатая. Он явно был результатом эволюции какого-то хищника – судя по огромным клыкам во рту.

Демоны, которых, кстати, было всего семеро, бросили путешественников к его ногам. Предводитель местного дворянства посмотрел на валяющихся в пыли пленников, потыкал посохом толстого и утвердительно кивнул.

– Жирненькие – это хорошо, – сказал он. – Жирненькие – это здоровое диетическое питание!

– Кажется, мы вовремя, – вдруг раздался чей-то голос. – Ты только глянь, Быча, везунчик в своем репертуаре: Князь Полос опять кого-то поймал!

Ко входу в пещеру приближались две огромные фигуры. Первым шел черный демон в черных же латах, неплохо, кстати, экипированный. За ним – еще более огромный мужик, но с рогами на голове.

Князь при виде их скривил нерадостную рожу, но тут же взял себя в руки: разулыбался и поклонился, приложив руку к сердцу:

– Мое почтение, владыка. Рад вас видеть. Как ваше драгоценное здоровье, как жизнь?

– Да нормалды все, Полос! – ответил владыка, который, судя по заплетающемуся языку, был заметно пьян. – Вот, инс... инс... инспекционную поездку совершаю. Хорошо живем!

– Оттопыриваемся помаленьку, – добавил Бык, хотя его никто не спрашивал.

– Короче, Полос... – игнорируя спутника, продолжил черный. – Темнеет уже. Мы, кароч, у тебя заночуем. С нас выпивка – с тебя закусон.

При слове «выпивка» красномордый хозяин заметно оживился.

– Какие проблемы? Вон закусон – под ногами валяется. Свежак, муха не сидела!

– А если сидела, то только в тапочках! – заржал Бычара.

Полос зачем-то потыкал посохом в Четвертого.

– Только всех троих нам, наверное, много будет. А вот парочку – в самый раз.

Он повернулся к своей команде:

– Эй, орлы, вот этого – он попинал ногой Четвертого – на склад тащите, заначкой будет. А тех двоих начинайте готовить. Нам печень и сердце подадите...

Он вопросительно посмотрел на владыку. Тот утвердительно кивнул и потыкал себя пальцем в попу.

– И филейки порежьте, дальше посмотрим. Пойдемте, владыка. Может, пока по рюмашке жажнем, для аппетита?

– Жахнуть-то мы, безусловно, жажнем, – хмыкнул черный – Но вообще ты мне нравишься, Полос – все такой же жучара! И гостей приветил, и себя не обидел – лучший деликатес прибрал, потом в одно рыло оприходуешь.

Полос немного смутился, но владыка пьяно захохотал и хлопнул его по плечу:

– Да ладно, я не в обиде – нам и этих двоих выше крыши хватит. Только и я тогда импортную байцзю выставять не буду, самогоном попируем.

– А я самогон даже больше уважаю, – вновь без спросу влез в разговор Бык, – Больно уж эта байцзю у них вонючая.

– Не, не скажи... – запротестовал хозяин, но славословий в адрес традиционной китайской водки Четвертый уже не услышал – выполняя указание хозяина, его уволокли куда-то в пещеру. Все, что он услышал – это звериный крик тонкого, у которого наконец-то вытащили повязку изо рта.

Крик, впрочем, быстро прервался.

Всю ночь Четвертый плакал под пьяные крики и песни – рядовой состав демонов тоже решил не пировать сухую и достал спиртосодержащие заготовки.

Плакал он по разным причинам. В основном, разумеется, из-за страха – столь впечатляющее начало путешествия его изрядно подкосило. Становиться деликатесом юноша очень не хотел и потому натурально бился в истерику.

Потом вспомнил про подаренную иголку и немного успокоился.

Плакать, впрочем, не перестал – ему было жалко съеденных спутников, ему было жалко себя и ему было жалко тратить одного из трех духов на самом старте. К его чести – именно в таком порядке по нисходящей.

Потом он успокоился настолько, что залез в профиль и с удивлением обнаружил, что «Святость» приросла – Система посчитала рыдания «оплакиванием товарищей».

Впрочем, настроение вскоре опять свалилось в минор и другого выхода, кроме иголки, он не видел.

– Если это не глубокая задница, – рассуждал он, слушая хруст разгрызаемых костей и немзыкально исполняемую песню «Если бы демоны всей Земли» – то что тогда глубокая задница?

При этом достать иголку из рукава он рискнул только с рассветом, когда песни и крики смолкли, и демоны, наконец, угомонились.

Укол мизинца. Капля крови.

И перед связанным Четвертым материализовался старичок в строгом костюме-тройке и с мушкетерской бородкой, очень похожий на артиста Эраста Гарина в роли Короля. Но Четвертый никогда не видел фильма-сказки «Золушка», поэтому все эти ассоциации минули его.

Старичок внимательно оглядел валяющегося на полу Четвертого и неожиданно старорежимно щелкнул каблуками.

– Благодарю вас, молодой человек! – отчеканил дух. – Преисполнен, так сказать, самой глубокой благодарности за давно ожидаемую свободу-с. Хуже нет, я вам скажу, в клановых складах чалиться. Там десятилетиями сидеть можно – десятилетиями! Я не утрирую-с, поскольку сам, так сказать, являю собой пример-с. А то и дольше, особенно, если завхоз – скупердяй.

Четвертый, растерявшись, даже не знал, что сказать. Просто лежал и смотрел снизу вверх, изучая джинна.

– Ну так что? – поинтересовался тот, покачиваясь на каблуках. – Извлекаться из задницы будем-с?

– Да, конечно! – поспешно ответил Четвертый. Конкретный вопрос развеял узы немоты. – Очень бы хотелось, знаете ли.

– Секунду! – остановил словоизлияния старичок, упредительно подняв палец. – Мне надо просканировать, потом продолжим.

В полной тишине оттикало секунд тридцать-сорок.

– Что ж, извольте-с... – прервал молчание дух. – Нет ничего проще.

Он наклонился, с неожиданной силой перевернул Четвертого на живот и неведь откуда взявшимся ножом разрезал путы.

– Ручки пока разомните, – посоветовал он – Кровообращение надо восстановить. А то будет все из рук валиться, как у деда старого.

Четвертый благодарно кивнул и занялся самомассажем. Старичок с искренним интересом наблюдал за этими процедурами, а затем неожиданно заговорил:

– Дело уже, конечно, прошлое, но, строго между нами, вы, молодой человек – лох-с!

– Кто?! – опешил Четвертый.

– Лох-с! – с видимым удовольствием повторил призванный. – Вы только не обижайтесь, но кто же на такую ситуацию духа тратит-с? Вы вообще в курсе, сколько я стою? Нет, разумеется, я вам глубоко обязан за свое освобождение и все такое... Но объективно – как профессионал, – не могу смолчать-с! Вы вообще в курсе, что там происходит?

И он показал рукой в направлении других помещений пещеры.

– Нет, – честно признался Четвертый.

– Так я вам скажу! – заверил дух. – Ничего! Ничего-с! Вообще. И до вечера ничего не произойдет, думаю. Они все пережрались в дрова-с! Поголовно. Все, что вам нужно было сделать – это перетереть веревки об острый камень, которых здесь – телегами вози, и вдарить по тапкам-с, как говорили во времена моей молодости. А то и просто встать на ноги и убежать, оставив хлопоты с веревкой для более безопасного места.

Четвертый покраснел. Ему было очень стыдно.

– Я это... Испугался очень. Тех двоих съели.

– Всех когда-нибудь съедят, пищевая цепочка в природе закольцована. – философски вздохнул старичок, – Даже нас, духов. Вы вообще давно подобными авантюрами занимаетесь?

– Самостоятельно?

Старичок кивнул.

– Первый день, – честно признался Четвертый.

– О, господи – вздохнул дух. – И сразу меня слили-с. По крайней мере, тривиальным такое начало карьеры не назовешь. Ну, да ладно. У вас вещи были?

– Лошадь и хурджин. – признался монах.

– Лошадь пасется у входа в пещеру, напоена, стреножена, все как положено. А хурджин... – старичок на секунду завис. – Хурджин лежит в двух метрах от вас, вон за той кучей камней-с. Его, по-моему, даже не развязывали. Они тут что – все обкуренные были?

– Скорее – очень выпить хотели, – пояснил опростоволосившийся монах.

– Ну да, ну да... – покивал головой профессионал. – Игра была равна...

– Что? – переспросил Четвертый.

– Да так, ничего. Ну что – пойдем-с?

– А они точно все спят? – на всякий случай уточнил юноша.

Старичок вздохнул и перешел на деловой тон, без всяких «сыканий».

– Владыка местных демонов Черный Медведь, 214 уровня, пробудет в бессознательном состоянии еще шесть с половиной часов. Его телохранитель Бык, 184 уровня – не меньше семи. Глава банды Полос 140 уровня, похоже, накидался больше всех – часов восемь гарантирую.

– А, кстати, он кто? – не сдержал любопытства юноша.

– Тигр, – лаконично пояснил дух. – Рядовой состав – от пяти до восьми часов. Убивать будете? За тех троих Система отсыплет щедро.

– Не... Нет. Не буду. Пойдемте уже, а?

Дух улыбнулся:

– Понятно. Ладно, снизойду до вашей неопытности и в качестве премии провожу вас пару километров-с. Из сентиментальных соображений. Эх, молодость-молодость... Взамен попрошу об ответной любезности. Если у вас по окончании квеста-с кто-нибудь в иголке останется – что, конечно, маловероятно, но все-таки...

Четвертый опять покраснел, а не удержавшийся от шпильки дух продолжил:

– Вы уж, будьте любезны – в кланы артефакт не продавайте-с! Знали бы вы, какая там тоска-с!

Дух пошел к выходу, потом обернулся и деловым тоном напомнил:

– Хурджин не забудьте.

Распроставшись со словоохотливым духом Вечерней звезды с Запада, который оказался большим аккуратистом и ровно через два километра исчез, как будто его и не было никогда, юный монах остался совершенно один.

Впервые в жизни.

Вообще один!

Карта интерфейса у него исправно функционировала, отметка местонахождения зк по кличке Псих, любезно сделанная Императором, никуда не далась – и даже была довольно недалеко, с другой стороны хребта, у подножия которого Четвертого оставил дух.

Но ноги подкашивались и никуда не шли.

Четвертый даже и не предполагал, что он настолько большой трус.

Его натурально колотило в панике. Он боялся сдвинуться с места, потому что был уверен – как только он начнет двигаться вперед, его мгновенно вычислят по производимому шуму. Кто вычислит? Да демоны же! Демоны, глубоко оскорбленные побегом пленника!

Они опять выскочат перед ним, как лист перед травой – сюрпрайз, брат, сюрпрайз! Вновь свяжут ему руки и погонят обратно в пещеру. И уж там непременно и самым обстоятельным образом – съедят! А из черепа тигр сделает себе заздравную чашу.

Этим позорным фиаско и закончится его вояж на запад.

Потому что – ну что он может один-то? Четвертый уровень!

Примерно через полчаса скрытного сидения в кустах размышления несостоявшегося шашлыка свернули в неожиданную сторону – он вдруг понял, что, если доберется по Психа, то, наконец-то, обретет защиту. И наоборот – если он и дальше будет сидеть здесь в совершенном одиночестве в этой опасной тайге, то рано или поздно на него наткнется кто-нибудь опасный. После чего спокойно устроит себе званый ужин из трех блюд – лошадь, монах, хурджин.

Постигнув эту немудренную истину, Четвертый вскочил как ошпаренный, взял коня под уздцы и в хорошем темпе начал восхождение, благо дух вывел его к натопанной тропе.

Весь остаток дня монах лез в гору как испуганный, отдавая все силы восхождению. Четвертый изрядно проголодался, но ему даже в голову не пришло остановиться и перекусить. Нет, стремление двигаться вперед овладело всем его существом. Только ближе к закату он сообразил, что демоны наверняка давно проснулись и сто пудов сейчас изволят гневаться, страдая похмелем и скорбью от потери мясного деликатеса.

Большой проблемой Четвертого было его богатое воображение. Оно услужливо нарисовало ему отряд демонов, целеустремленно и в хорошем темпедвигающийся по его следам. Благо, натоптали они с конем при побеге изрядно. Впереди – мутировавший волк, не потерявший в гуманоидном обличии чутья и сейчас уверенно взявший след. Четвертый понятия не имел – был ли такой среди демонов, но дурные предчувствия прямо-таки кричали ему в уши, что наверняка – был.

После этого скорость перемещения монаха резко возросла. Даже не помышляя о привалах, он двигался к перевалу, пыхтя маневровым паровозиком и поминутно оглядываясь – не показались ли преследователи.

Но беда пришла с противоположной стороны.

За весь день он так ни разу и не задался вопросом – кто же натоптал тропу, по которой он так целеустремленно шагал. Ответ нашел его сам – когда монах пересекал небольшую рощицу на склоне, он совершенно неожиданно столкнулся с крупным тигром, шедшим ему навстречу.

Практически нос к носу.

Ошарашены были все – и Четвертый, и тигр, и лошадь.

Последняя оказалась самой сообразительной. Она даже не заржала, а скорее завизжала, вырвала повод из рук и ускакала в неизвестном направлении.

Вместе с хурджином.

Четвертый окаменел, и не придумал ничего лучше, чем посетовать вслух:

– Опа! А вот про зверей я совсем забыл.

Замерший поначалу тигр на звуки человеческого голоса прореагировал нехорошо – прижал уши, оскалил клыки и издал короткий, но злобный рев.

«Все! Приехали, – мысленный вердикт монаха не допускал даже тени сомнений. – Все-таки стану ужином. Правду люди говорят – кому суждено быть повешенным, тот не утонет».

Выхода не было. Никакого.

Однако тигр, хоть и порывивал, почему-то не спешил нападать. Что-то зверя беспокоило, и он прядал ушами – почти как лошадь.

Нервы Четвертого не выдержали комплекса сегодняшних переживаний, и он уже готов был упасть в обморок.

Но в это время раздался зычный крик: «Вот ты где, гнида!» и удар плечом чудовищной силы отправил Четвертого в кусты и в нокдаун.

Лежа в кустах, молодой монах понял, что не может пошевелить даже пальцем – сил не то что не было... Сил не было **ВООБЩЕ**. Треволнения этого бесконечного дня как будто выдавили из него весь воздух. Поэтому он просто лежал в кустах и с каким-то даже безразличием наблюдал за происходящим на тропинке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.